

АЛИСА БЯЛЬСКАЯ

ОПЫТ БОРЬБЫ С УДУШЬЕМ

Претендент на бестселлер!

Алиса Бяльская
Опыт борьбы с удушьем

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бяльская А.

Опыт борьбы с удушьем / А. Бяльская — «Эксмо»,
2018 — (Претендент на бестселлер!)

ISBN 978-5-04-089954-8

Точная, веселая и правдивая до жестокости книга Алисы Бяльской «Опыт борьбы с удушьем» затрагивает те стороны советской жизни, о которых молчали тогда и почти не говорят сейчас, – бега, тайные игорные салоны, организованные известными актерами, артели художников, которые расписывали среднеазиатские сельсоветы и детские сады... Младший научный сотрудник, предприимчивый любитель *dolce vita* Савелий, он же Сева, он же Бяша, стремясь к свободе, придумывает аферу за аферой и никак не вписывается в узкие рамки своего времени. Книга Алисы Бяльской – о том, как мы ищем свободу, пользуемся и злоупотребляем ею; об эксперименте, в котором невольно приняли участие все советские граждане, и о любви севы и Жени единственном, что помогает им выжить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089954-8

© Бяльская А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алиса Бяльская

Опыт борьбы с удушьем

*Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!
А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заест ореховым пирогом...*

Да, видно, нельзя никак...

Осип Мандельштам

© Бяльская А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2018

* * *

Глава 1

Куш келибсыз!

1

Первого апреля 1976 года в Ташкенте стояла необыкновенная жара. Солнце палило нещадно, и, выйдя из здания аэропорта «Ташкент Южный» на улицу, Сева тут же вспотел. Он снял пальто и с удовольствием оглядел залитую солнцем площадь. Надпись кириллицей на растянутом над площадью огромном транспаранте гласила: «Куш келибсыз!»

В Ташкенте он до этого никогда не бывал, не знал здесь ни одного человека и не имел ни одного адреса, по которому можно было обратиться. Однако, как и все остальные жители страны, он знал – зайди в любую пивную, и тебе скажут: «Ташкент – город хлебный». Тут перед ним остановилось такси. «Чем черт не шутит, – решил Сева, – проверим, может, народ не врет».

Город ему сразу понравился. Красиво. Климат замечательный. Первое апреля, в Москве немногим больше нуля и мокрый снег, а здесь теплынь. Сказка.

– Куда едем? – прервал течение его мысли водитель.

– В гостиницу.

– Какую гостиницу? У нас большой город, у нас очень много гостиниц. Куда хотите?

– В лучшую гостиницу, – с нажимом сказал Сева.

– Какая лучшая гостиница? У нас есть «Ташкент» и новая гостиница «Узбекистан».

– Какая считается самой лучшей?

– Конечно, новая гостиница «Узбекистан».

– Тогда поехали в «Узбекистан». Да, кстати, что такое «куш келибсыз»?

– «Добро пожаловать» будет.

Сева не ожидал, что гостиница «Узбекистан» окажется двадцатипятиэтажным современным зданием из стекла и бетона. «Человек, остановившийся в такой гостинице, должен производить впечатление полного материального благополучия», – удовлетворенно подумал Сева и легкой пружинящей походкой направился к окошку администратора. Он, разумеется, знал, что «мест нет», это даже и спрашивать не надо было.

– Меня зовут Савелий Матвеевич Бялый, я приехал из Москвы. Мне, пожалуйста, номер. Хороший.

Администратор удивилась такой просьбе и, оценив костюм, представительный вид и московский выговор неожиданного гостя, решила все-таки разобраться, в чем тут дело.

– Покажите ваши документы, пожалуйста.

Сева вложил в паспорт пятьдесят рублей и протянул ей в окошко.

– Ну, как документы, в порядке? – спросил он.

– Да, нормальные документы, – ответила администратор, забирая купюру. – Не фантастические, не какие-то особенные, но вполне нормальные документы, чтобы получить один-местный номер.

Поднявшись в номер, Сева принял душ, поменял рубашку, обрызгал себя одеколоном и спустился в ресторан. Белые скатерти, накрахмаленные салфетки, запах хорошей и дорогой еды, тихая приятная музыка, как всегда, привели Севу в хорошее настроение.

– Мне узбекский стол, пожалуйста, – улыбнулся он миловидной девушке-официантке. – Шашлык, плов, лагман, что еще?

– Еще манты и салат. Будете?

– Давайте манты тоже, и салатик. И бутылочку водки, будьте любезны.

Выпивая и закусывая, Сева ждал, что будет дальше. Что-нибудь обязательно должно произойти, он знал точно. Юноше тридцать два года, пьет и ест не по-детски, костюм, галстук, прическа на косой пробор, золотые очки, тихо обедает в ресторане гостиницы «Узбекистан», а вокруг ни одного европейского лица.

Ждать пришлось недолго, через десять минут к нему подошла женщина-метрдотель, представилась.

– Так мало у нас здесь бывает приличных людей. Вы из Москвы, вероятно? – спросила она.

– Да, из Москвы.

– А кто вы, чем занимаетесь?

– Я художник. Вот приехал первый раз в Ташкент, за новыми впечатлениями. Но знаете, я здесь несколько часов, а уже чувствую себя как дома. Я никого в городе не знаю пока, поэтому и обедаю один.

Она ушла, но через несколько минут подошла еще раз.

– Вон там, в отдельном кабинете, сидят две женщины, очень приличные женщины, не подумайте чего, не какие-то там. Вы на них произвели благоприятное впечатление, и они с удовольствием составят вам компанию.

– Я весьма польщен, – произнес Сева, самодовольно подумав про себя: «Еще бы». – Конечно, пусть пересядут ко мне.

– Нет, они к вам не пойдут. Вы можете присоединиться к ним.

Лейла и Динара на самом деле оказались интеллигентными узбекскими женщинами, обе на несколько лет старше Севы. Он прикинул, что обеим было слегка за сорок, хотя сказать было сложно, восточные женщины старятся быстрее. Лейла работала в международной редакции радио Ташкента, Динара, в прошлом балерина, была теперь хореографом в Ташкентском театре оперы и балета. Они тут же взяли покровительство над московским гостем и начали обсуждать, с кем из художников, писателей и музыкантов стоит познакомить его в первую очередь. «Главное, ввязаться в бой, а там видно будет», – этому девизу Наполеона Сева неукоснительно следовал всю свою сознательную жизнь. Приехав с планами завоевать этот город и не зная здесь ни одного человека, через несколько дней с помощью Лейлы и Динары он перезнакомился со всей художественной элитой Ташкента. Лейла сияла от гордости, потчует своих друзей Савелием Бялым, и он не разочаровывал – тактично, в меру флиртовал с хозяйкой, обсуждал московские сплетни с ее мужем, шутил, смеялся, сыпал историями.

Узнавать новых людей, очаровывать и завоевывать, находиться в центре внимания, конечно, было приятно и даже в некотором смысле льстило его самолюбию, но Сева приехал в Узбекистан с конкретной целью и до сих пор мало продвинулся в нужном ему направлении.

Пока суд да дело, Сева изучал Ташкент, который, как и любой восточный город, состоял из двух четко разделенных частей: новой и старой. Новый город, выросший буквально на пустом месте после страшного землетрясения тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, уничтожившего весь центр, мало чем отличался от обычных советских городов. Разве что, несмотря на типовую архитектуру, дома были не серыми, как почти везде в стране, а разноцветными: розовыми, желтыми, бежевыми и даже красными.

Особенно нравились Севе люди: спокойные, улыбчивые, доброжелательные, не похожие на вечно мрачных и раздраженных москвичей. Многие горожане были одеты по-европейски, но большинство узбеков предпочитали национальные костюмы. Гулял Сева и по кривым улочкам старого города, заходил в чайханы. Он представлял себе, что попал в

шестнадцатый век, что он герой книг Кортеса или Кабеса де Вака, завоеватель в побежденной стране, из которой надо постараться выкачать материальные блага: конкистадор Савелий Бялый. На каждом углу жарили шашлыки, готовили плов – и над городом витал густой, пряный запах специй. Есть на бегу Сева не любил, и он искал место, где можно было расслабиться, спокойно посидеть и отведать национальные блюда, приготовленные прямо при тебе. На границе старого и нового города, на задах только что построенного нового современного здания, он обнаружил свалку, рассеченную пополам протекающим по дну грязным ручейком. По обеим сторонам ручья узбеки в куйнаках и шароварах жарили шашлык и варили шурпу на открытом огне. Едоки сидели на старых сломанных ящиках, ногами пощиколотку в глине. Место это в городе называлось Яма. Вкуснее того, что готовили там, Сева больше нигде и никогда не ел. Он практически поселился в Яме на неделю.

– ...Не представляю себе, что ты находишь в этой Яме. Убожество и антисанитария. Попробуй-ка вот это, там тебе такого не подадут. – Лейла протянула ему высокий запотевший стакан с белым пенистым напитком.

Они сидели на открытой террасе ее дома, перед ними на столе стояли пиалы с урюком, кишмишем, фисташками, миндалем и джиду. Дом был полон гостей.

– Что это, кумыс? – Кумыс Сева пробовал, и он ему не понравился.

– Нет, – ответила Лейла, – это наш узбекский айран со специями. Вкусно, полезно и утоляет жажду.

– Интересно, похож на мацони, только не такой густой. Я мацони с детства люблю. – Сева закурил и оглядел гостей. – Уф, я уже устал от интеллигенции. Я в Москве-то от них устал, специально вот в Ташкент уехал. Мне бы что-нибудь попроще, люди дела, понимаешь меня?

Лейла задумалась.

– Завтра открывается кинофестиваль стран Азии и Африки, я работаю на нем переводчицей. В рамках фестиваля будет закрытый показ нового индийского фильма на даче у Рашидова.

– Ты имеешь в виду Шарафа Рашидовича Рашидова, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана? – удивленно спросил Сева.

– А ты знаешь другого Рашидова? Конечно, его. Меня позвали туда переводить.

– Ого! Смотри, какие у тебя связи, оказывается, в номенклатурной среде.

– Все-таки я – единственный синхронный переводчик с хинди в Ташкенте, – с гордостью проговорила Лейла. – Могу устроить тебе пропуск. У Рашидова обязательно будут хозяйственники.

Через пару дней поехали на показ на даче Рашидова. Сева смотрел во все глаза, запоминал детали. В подобных местах он никогда до этого не бывал. Вокруг дачи ограждение, КПП, правительственная связь, комитетская охрана – все как положено. Лейла пошла на свое место переводить, а Сева направился в небольшой, мест на двести, зрительный зал.

Фильм начался. В первых же кадрах самолет, на котором летели главные герои, потерпел крушение и упал в горах. Героиня, красивая смуглая девушка в разноцветном сари, бросилась в пляс и запела от радости, что осталась жива. Из сугроба выскочил главный герой и присоединился к ней. Народ поодиночке потянулся из зала. Сева, который сюда не кино приехал смотреть, тоже вышел погулять в кулуарах.

Дача Рашидова была скорее похожа на дворец падишаха, чем на собственность партийного функционера. Сквозь разноцветную витражную крышу на мраморный узорный пол падали лучи солнца. В центре зала бил фонтан. В отдельном зале был накрыт огромный стол, после сеанса гостей во главе с самим Рашидовым ожидал банкет. Пока же вокруг них вились красавицы-официантки с канапе и прохладительными напитками. В сад с экзотиче-

скими деревьями и гуляющими по дорожкам павлинами никто из гостей не выходил, все старались держаться поближе к залу, чтобы сразу было видно, кто вошел, кто вышел. Случайных людей на показе у Рашидова быть не могло, поэтому люди осматривали друг друга оценивающе.

Коренастый коротышка с блестящей на солнце лысиной остановился рядом с Савелием. Заметив за венецианским с пола до потолка окном гуляющего в саду павлина, он схватил Севу за локоть.

– Вот это да! Вы видели?

– Ну да. Павлин, – спокойно ответил Сева.

– Да, ну и дачка у Шарафа Рашидовича! Живут же люди. Просто коммунизм в действии.

– Даже по меркам Политбюро она высоко котируется, – значительно кивнул Сева. – Хотя дело вкуса... Вот, например, вы бывали на даче у Микояна?

– Нет. – Коротышка смотрел на Савелия с уважением, поскольку понимал, что Савелий как раз на даче Микояна бывал.

– Вот это просто готический замок. И даже здание кухни двухэтажное, тоже в готическом стиле.

На даче Микояна Сева, конечно, никогда не был, однако читал изданные в самиздате воспоминания Аллилуевой.

– Кстати, о кухне. Вы знаете, что здесь на даче две кухни, одна – узбекская, там и тандыр, и все что положено для приготовления национальных блюд. А рядом – европейская, – эту информацию Сева получил от Лейлы по дороге на дачу.

– Настоящий тандыр? Да что вы! – Севин собеседник удивлялся все больше.

– А какой там лес вокруг! – закатил глаза Сева. – Я про дачу Микояна. Хотя надо сразу сказать, что касается лесных угодий, то тут на первом месте, безусловно, Устинов.

– Маршал Устинов?

– Конечно. Он же страстный охотник. Для него лес – это все. Какой лесище, и какой дичи там только нет! Сам Леонид Ильич часто к нему приезжает поохотиться. Вы охотитесь?

– Я? Нет, не приходилось. Ой, да что же мы, – протянул руку коротышка. – Разрешите представиться, Виктор Викторович Ким, замминистра плодоовощного хозяйства.

– Бялый Савелий Матвеевич. Из Москвы, – весело сказал Сева.

– Надо обязательно повидаться. Вы еще долго у нас будете?

– Какое-то время еще, да. Я живу в гостинице «Узбекистан».

– Значит, успеем встретиться, поговорить. Вот мои координаты.

Скоро Сева уже имел на руках телефоны нескольких перспективных товарищей. Самым плодотворным оказалось знакомство с Аликом Шварцем, заместителем министра строительства. На банкете после окончания фильма они успели только обменяться парой слов, но сразу понравились друг другу. Шварц был всего несколькими годами старше Севы, крупный полный мужчина с умными живыми глазами и утопающим в складках жира подбородком. По аппетиту, с которым он набрасывался на рашидовские угощения, было ясно, что чревоугодие является главной страстью его жизни. Сева, всегда полагающийся на свою интуицию и умение читать людей, понял, что Шварц именно тот человек, которого он искал.

На следующее утро он пришел к Шварцу в кабинет в высотном здании министерства строительства, сразу же перешел на «ты» и раскрыл свои карты.

– Алик, я понимаю, что у тебя нормальная зарплата, но уверен, ты сам знаешь, – этого мало. Что ты воруеть и берешь взятки, написано у тебя на физиономии. Но я дам тебе больше.

– И сколько? – спросил Алик насмешливо, однако смотрел на Севу серьезно и даже подался немного вперед.

Сева удовлетворенно откинулся в кресле. Приятно иметь дело с понимающим человеком.

– Пока сказать не могу. Но объясняю тебе, Алик, как товарищу, – очень много. Все остальное, что там у тебя сейчас, это будут копейки по сравнению с тем, что предлагаю тебе я.

– Секундочку, подожди. Не хочу говорить о делах в кабинете. – Алик по селектору соединился с секретаршей: «Людочка, я уезжаю по важному делу. Сегодня больше не вернусь. Все встречи перенесите на завтра», – и тут же набрал другой номер: «Томочка, я еду домой с ответственным руководителем из Москвы. Позаботься об обеде, пожалуйста».

После обеда они переместились в кабинет. Жена Алика подала мужчинам кофе и вышла, закрыв за собой дверь. Они приступили к деловой части.

– Итак, чем я занимаюсь? Я работаю в Художественном фонде, и в мою задачу входит продать различным предприятиям как можно больше художественной продукции. Система у нас советская, за художественную пропаганду только хвалят и вешают на Доску почета. Так что в политическом смысле тут все совершенно правомерно. И, более того, приветствуется. У тебя в твоём бюджете есть определенная статья именно на подобную деятельность, следовательно, деньги ты можешь тратить на совершенно законных основаниях. Понятно?

– Пока да. Но о чем конкретно идет речь? Какие работы ты можешь выполнять?

– Если это будет, например, школа – мы ее художественно оформим. То есть распишем стены композициями с правильным идейно-художественным содержанием. Большая картина в актовом зале на патристическую тему. Дальше портреты по классам.

– Какие портреты?

– Все известные узбеки, которые что-либо внесли в науку и литературу. И таджики заодно. Кроме того, русские и советские ученые, деятели искусства и исторические персонажи. Все на высочайшем художественном уровне, это я гарантирую. При входе в школу будет стоять бюст, вероятно, Ленина. Я – специалист в этой области, все будет оформлено в едином ключе в зависимости от объекта, будь это школа, зона отдыха, клуб или заводская столовая. Вот так приблизительно.

– Что я конкретно должен делать? – спросил Алик.

– Ты должен знакомить меня с руководителями крупных предприятий, еще лучше, целых отраслей, причем с такими, с которыми можно разговаривать. Я буду заключать с ними договоры на очень большие суммы. Ты же будешь с этого иметь свой процент. О конкретных суммах сейчас, думаю, говорить рано. Когда развернемся, обсудим детали.

Шварц составил список перспективных знакомых и начал постепенно сводить Севу с руководящей верхушкой хозяйственников. Они с Севой стали неразлучны. Куда Алик, туда и Сева. Он сидел у Шварца в кабинете, ходил с ним на все встречи и налаживал контакты.

Сева всегда был главным героем в своем собственном, никогда не прекращающемся фильме, который постоянно шел перед его мысленным взором. Декорации, персонажи и ситуации менялись, но герой никогда не исчезал с экрана. Готовясь к предстоящему дню, настраивая себя на операцию, Сева представлял себя разведчиком во вражеском стане. Еще в детстве фильмов про разведчиков он видел множество, и все они учили, как настоящему разведчику себя вести: осмотреться, понять, кто есть кто, наладить разговор, заинтересовать, ненавязчиво показать, что ты важная персона, пошутить. Умение рассмешить – одно из самых ценных качеств, чувство юмора на вес золота. Потом обменяться телефонами, назначить встречу. На первой встрече о делах ни слова, потому что главное – убедить человека, что он тебе интересен. И быть открытым. А потом уже невзначай удивиться: «О, ты же действительно управляющий трестом? А я из Худфонда. Можем вместе поработать».

2

– Это Клондайк, который ждет своего старателя. Разумеется, работы много, тонны песка надо просеять, но когда золотая жила найдена, остается вывозить золото тоннами. Я только удивляюсь, почему это никому до меня не пришло в голову. Узбекистан станет моим Эльдорадо! И это, заметь, Женя, в Советском Союзе, – Сева в возбуждении расхаживал по комнате, пытаясь вселить в жену хотя бы часть своего энтузиазма.

– Не кричи, ребенка разбудишь, – махнула рукой Женя. – Клондайк, Эльдорадо – это как-то слишком далеко от дома. Мне же все это кажется чистой хлестаковщиной. Кроме того, это опасно, Сева! С нашим государством шутки плохи.

– Объясняю по порядку. – Сева понизил голос и принялся рассказывать: – Во-первых, это абсолютно безопасно. Более того, совершенно законно! Я ничего не нарушаю, никого не обманываю, ничего не ворую. Государство из одного своего кармана перекладывает деньги в другой карман, не теряя при этом ни копейки. Все деньги эти – бюджетные, государственные. Они никому не принадлежат, никто их не считает. Ну что же делать, если система такая дурацкая? А по поводу шуток... Когда за отцом пришли в пятьдесят третьем году люди из НКВД, он вместо того, чтобы протянуть руки и дать себя арестовать, спрятался под кровать. А гэбисты поганые сидели рядом, смотрели на меня, смотрели на мать, чистили ногти перочинным ножиком, ждали, когда отец вернется домой и даже квартиру не обыскали, настолько им в голову не приходило, что кто-то может их вот за таких идиотов держать! А утром ушли и больше не возвращались, а потом Сталин сдох. И я тогда, десятилетний пацан, просидев всю ночь на этой кровати, под которой прятался мой отец, понял, что система – дура, слепой циклоп.

В общем, с грехом пополам Сева убедил Женю, пообещав, что занятие это временное, пока он не найдет себе что-нибудь более подходящее. А началось все несколько месяцев назад, и как раз с Жени. Она работала тогда в Институте сердечно-сосудистой хирургии, и Сева захаживал к ней на работу регулярно. Вокруг Жени постоянно вились молодые успешные хирурги и ученые, так что он старался держать руку на пульсе. В один из его приходов, когда они сидели в лаборатории и гоняли чай, лаборантка Верочка упомянула вскользь о работе своего мужа в отделении Художественного фонда в подмосковном Подольске. В чем именно состоит его работа, Сева тогда до конца не уловил, но зато сразу понял: работает он немного, а зарабатывает хорошо. Сразу подумал: может, стоит и ему попробовать? Познакомился с Верочкиным мужем, запойным пьяницей, съездил с ним в Подольск к начальнику отделения. Идея стала казаться Севе все более привлекательной, тем более что к тому времени он уволился из института архитектуры и уже пару месяцев слонялся без работы. Казалось бы, все в институте складывалось для него неплохо, место было элитарным, на работу каждый день можно было не ходить, работать дома, в общем, идеальные условия. Для Севы даже специально придумали должность – главный инженер. На самом деле в институте архитектуры вообще никогда главного инженера не было, зачем он нужен в НИИ, но Сева был штучным специалистом, и, чтобы иметь возможность платить ему приличные деньги, придумали эту должность. Так и было записано в его трудовой книжке «главный инженер института архитектуры» – зарплата двести рублей.

Сева занимался бионикой, искал взаимосвязь между архитектурой и живыми организмами. Однако, написав монографию «Гармония форм в живой природе и архитектуре», он утратил к работе всякий интерес.

– Это не научная деятельность, а жалкая имитация. Идейка небогатая. За сто пятьдесят лет до меня Спенсер писал на эту тему. Я видоизменил, модернизировал Спенсера, вот

и все. – Сева пытался объяснить Жене, почему он решил уволиться из института. – Спенсер считается одним из столпов науки, но на самом деле – идиот. Он нашел биологическую основу для любых социальных явлений, для технических и вообще всего, что делает человек. Так, как работает нервная система или выделительная система, по тому же принципу работает государство. Глупость.

– Да при чем здесь Спенсер? Проблема в том, что ты не можешь, по-моему, вот так все бросить, пока не нашел что-то другое.

– Как при чем Спенсер? Залезь в энциклопедию и почитай. Сама убедишься, что чушь несусветная.

– Зачем ты тогда занимался этим?

– Из своих эгоистических соображений. Работать-то надо где-то. Но ты запомни, Спенсер – полный мудак.

– Поняла. Если при мне пойдет разговор о Спенсере, сразу же скажу: «А, Спенсер, полный мудак».

– Правильно. А начнут спорить, сразу ногой по морде. Но если говорить серьезно, я был бы рад уйти из науки. Совсем. Я чувствую, что мне это неинтересно, я имею в виду, сама советская наука. Так, отдельные всплески интеллекта, что-то придумать, до чего-то дойти, но в принципе – мне перестало быть интересно, меня это не заводит, не будоражит. Я умираю от скуки. Когда я слышу, о чем они говорят, как с серьезными лицами обсуждают херню, не имеющую никакого значения, мне даже не смешно, мне скучно.

– Вот так все разом бросить? Ты же был так увлечен.

– Вся та романтическая чушь, которой я забивал себе голову, читая «Двойную спираль» Уотсона, облетела. Я уже десять лет с окончания университета этим занимаюсь, достаточно времени, чтобы понять, что наука – это такая же профанация, как и все остальное в этой стране. Игрой в бисер заниматься не хочу.

На ловца и зверь бежит. Выяснилось, что у Игоря, Севиного университетского друга, есть одноклассник Слон, который как раз работал в Художественном фонде и утверждал, что придумал способ, как в Советской России зарабатывать деньги и при этом не сесть.

– Могу тебя с ним познакомить – сказал Игорь. – Хотя я тебе не советую этим заниматься. У тебя мозги созданы для науки.

Через пару часов Сева уже выпивал со Слоном в «Арагви». Слон был на пару сантиметров выше Севы и в несколько раз шире его. Говорил он низким густым басом и смеялся на весь зал, так что дрожали люстры, и люди как по команде поворачивали головы в его сторону. Слон без умолку сыпал прибаутками и матерными словечками, не приглушая ни на йоту своего голоса, рассказывал истории, все изображая в лицах, и жег сигарету за сигаретой, так что искры летели во все стороны. От него исходило ощущение огромной физической силы, полноты жизни и довольства собой. Сева невольно им любовался.

– Этот твой парень – идиот, – сказал Слон, выслушав рассказ Савелия о встрече с мужем лаборантки.

– Почему?

– Потому что он все сдает государству, а сам получает копейки. Умные люди все делают иначе. Они вначале находят предприятия, готовые купить художественную продукцию, оформляют с ними заказы, подписывают договор, а потом уже привозят эти договоры художникам. Лучше всего в Грузию или Армению, где люди больше готовы платить. Ты им бумажку, а они тебе петьку наличман.

– Все это криминально, конечно?

– В этой стране все криминально, – вздохнул Слон. – Но здесь риск сведен к минимуму. Единственная разница с легальной процедурой в том, что ты отдаешь договоры сразу художникам в руки, а они уже все это оформляют сами. Не нарушаются никакие законы – дого-

воры официальные, проводятся через кассу Худфонда, налоги отчисляются. Твой основной заработок – это процент от договора, который тебе платят художники. То есть если ты привозишь им заказов на, скажем, сто тысяч рублей, то твой заработок – десять тысяч. В кассе официально ты таких денег никогда не получишь. Но все равно тебе туда надо сдавать минимальное количество договоров, просто для того, чтобы получать зарплату и числиться где-то в штате, как положено всем советским гражданам. Понятно теперь?

На следующий день Сева поехал в Подольск. Руководителю местного отделения Худфонда, Герою Советского Союза, бывшему военному летчику Приходько он сразу понравился. Главным для этой работы было умение хорошо говорить, располагать к себе и продавать. Художественного образования для этого не требовалось, Севиного диплома биофака МГУ Приходько оказалось достаточно, и он тут же оформил Севу на должность эксперта-искусствоведа. Съездив пару раз в командировки в далекие российские города, Сева понял, что Слон был прав и официальным образом много не заработать. Все договоры, привезенные им из командировок, он сдал в свое отделение – инспектора Худфонда тоже имели план, который им надо было выполнять, – и получил зарплату в окошке кассы. Значительно больше, чем его оклад в НИИ, но этого все равно было мало. Да и условия жизни в этих поездках Севу никак не удовлетворяли – гостиница дешевая, сосед в номере, никакого удовольствия, сплошное убожество. Сева понял, что золотое дно надо искать самостоятельно. Там, где тепло, и там, где есть деньги.

Добираться до отделения в Подольске надо было вначале на электричке, потом от станции на автобусе. Скрипя зубами, Сева в очередной раз проделал этот путь – но сегодня у него была важная цель.

Приходько какое-то время слушал Севу, который делился мыслями о том, как улучшить работу с художниками, чтобы они, заключив договор, сразу же не уходили в запой и не нарушали сроки сдачи картин. Наконец Приходько достал из ящика стола початую бутылку водки. Сева тут же вынул из портфеля взятую с собой закуску: сыр, колбасу, шпроты.

Налили, выпили. Потом еще по одной. Сева навел разговор на любимую тему бывшего летчика – войну.

– Я как раз тогда на Кавказском фронте воевал, в Краснодарском крае, – сразу включился Приходько. – Под станицей Крымская был большой бой. Геринг послал против нас лучшие свои эскадры: «Удет», «Грюнхерц», «Эдельвейс» – слышал про такие? Но главное – это специальная группа асов. Каждый из асов имел по триста-четыре боевых вылетов... Вот ты послушай, я тут записал.

Он взял со стола школьную тетрадку, исписанную мелким почерком, и начал читать вслух: «Блестело золотом солнце, холмы, играючи, разрывали облака, бежали березы, заламываемые руки. Всюду крылья – у самолетов, у деревянных крестов, у вольного ветра. Перелетные птицы, назло вселенскому холоду, возвращались к родной, теплой земле. Пулеметные очереди взбаламутили небо. Мертвые птицы камнем падали вниз, но живые с неустойчивой яростью продолжали свой путь».

– Замечательно. Очень поэтично, – сказал Сева и разлил по стаканам оставшуюся в бутылке водку.

Герой Советского Союза выпил и стал читать дальше, а Сева как бы рассеянно просматривал бумаги на его столе. Найдя нужные ему бланки командировочных удостоверений, он взял стопку и положил себе в портфель. Приходько ничего не замечал, увлеченный воспоминаниями. Сева отправил в портфель стопку бланков ведомостей договоров.

– «Я приготовился к посадке. Внезапно огненная струя вскипятила воздух у самой кабины. Комэск чудом увернулся от огня. «Мессершмитт» шарахнулся вниз, как в пропасть».

– Комэск... это кто? – Сева хоть и воровал в это время бланки со стола, слушал внимательно.

– Командир эскадрильи. Это я, значит, – охотно пояснил Приходько. – Я тогда был комэском, летчики меня Дедом звали. Дед, а мне только двадцать пять было.

– Так вы начали писать «я» от первого лица, а потом тут же говорите о себе в третьем лице «комэск». Так не получится, надо выбрать что-то одно.

– А ты прав. Ну, молодец, Савелий Матвеевич, а то мне никто ничего не говорит дельного. Надо исправить. Вот сейчас, погоди. – Приходько склонился над тетрадкой.

Сева поднялся и вышел в пустую приемную. Было уже поздно, секретарша к этому времени давно ушла. Он достал из портфеля украденные бланки и проставил на них печати. Плацдарм для завоевания Узбекистана был готов.

3

Алик Шварц любил погулять в ресторане, особенно за чужой счет. Сева давно перестал считать деньги, потраченные им на удовлетворение чудовищного пантагрюэлевского аппетита замминистра строительства советской республики Узбекистан.

Но затраты Алик окупал и исправно сводил Севу с нужными людьми. Самым ценным оказалось знакомство с министром водного хозяйства, Тохтамышем Байрамовичем Мурсалимовым.

– Тохтамыш-ака – большой человек, – сказал Алик. – Водное хозяйство в Узбекистане – это тебе не плодоовощное министерство или кто там еще у нас в списке? У него по всей республике тресты, которые занимаются мелиорацией. Сам понимаешь, мелиорация – это важнейшая отрасль: дождей у нас нет, а вода нужна, чтобы хлопок рос. В подчинении Тохтамыша огромные хозяйства и выход на хлопководческие колхозы. А там клубы, детские сады, школы, санатории и пансионаты – все те места, куда можно всунуть картины.

Тохтамыш отнесся к Севиным предложениям серьезно, и работа закипела. Однако ему пришлось давать взятки, не деньгами, конечно, – денег у Тохтамыша было столько, что потратить их в Советском Союзе он не мог физически, а подарками, в знак уважения.

Начались бесконечные, изматывающие поездки по республике. Помотавшись так какое-то время, Сева понял, что ему необходим партнер, с которым будет не так скучно проводить время вдали от дома и своей привычной московской жизни. Он больше не мог выдерживать долгих застольных бесед с номенклатурными идиотами. Это был тяжкий труд – каждый раз придумывать, о чем говорить, что врать, изображать дружбу, когда тебя от человека просто тошнит, и смеяться тихонько про себя. Он отводил душу только в телефонных разговорах с Женей, пересказывая ей во всех деталях свои приключения.

– Тебя могут посадить! – постоянно повторяла Женя.

– Вот ведь все ты меня тюрьмой пугаешь. Я занимаюсь совершенно законным делом. По какой статье меня могут посадить?

– Да хотя бы за тунеядство. Ты же не работаешь нигде официально.

Женя была права. Свою трудовую книжку Сева из Подольска забрал. Как только он начал зарабатывать в Узбекистане, то сразу перестал выполнять официальный план, и его собирались уволить. Он ушел по собственному желанию и дома положил книжку в шкаф.

– Ты забыла мое любимое – «нетрудовые доходы», статья 153 УК РСФСР. Нетрудовые! А ведь я пашу как вол. Ты, кстати, знаешь, в каком еще государстве была уголовная статья о нетрудовых доходах? – Сева замолчал, но ответа не дождался. – Запрет на «нетрудовые и легкие доходы» был частью официальной программы НСДАП «25 пунктов». Пункт одиннадцатый, если мне память не изменяет. Не случайно эта партия называлась социалистической и рабочей.

– Ты доиграешься! – Женя бросила трубку.

Ради приятной компании Сева был готов поделиться частью своих заработков. Ведь совсем другое дело, когда есть зритель: тогда можно развернуться вовсю, а потом вместе поржать, смакуя детали. На роль компаньона Сева выбрал Леню Палкера. С Палкером они дружили с тех пор, как вместе работали в институте экспериментальной биологии. Палкер был кандидатом наук и по-прежнему работал в той же лаборатории.

Как он отпросится у себя в институте и уедет в Ташкент, Севу не интересовало.

– Чтобы через час был на Пушкинской, – скомандовал Сева, – оттуда вместе поедem в аэропорт.

Палкер что-то промекал в ответ. Он вообще разговаривал очень медленно и между словами делал долгие паузы, видимо, обдумывая, что сказать в следующем предложении.

– Мне совершенно не интересно. Если через час тебя не будет, я улетаю один. – С этими словами Сева повесил трубку.

Через час Палкер был на месте. Запыхавшийся потный, под стать фамилии худой и длинный как палка, с вытянутым лошадиным лицом. Одет он был в потрепанный костюм советского производства с пузырями на коленях и локтях и вылинявшую от постоянных стирок рубашку.

– Ты бы надел другой костюм, мы все-таки в командировку в восточный город едем, – сказал Сева, оглядывая Палкера. – Там обращают большое внимание на то, как человек одет.

– У меня только один костюм, – меланхолично отозвался Палкер.

– А рубашка другая есть? У этой уже воротничок истрепался.

– Зато мягкий, шею не трет.

Сева вздохнул. У важного человека – а Савелий Матвеевич был важным человеком в Ташкенте – не может быть таких подозрительных друзей. Придется Палкера одевать.

– Леня, не потому, что как-то неуважительно к тебе отношусь, но просто для дела нужно: Значит, я – начальник. А ты у меня типа шестерка. Так что ты будешь носить за мной портфель.

Палкер согласился, куда же он денется. Номер люкс и лучшие рестораны города за счет Севы компенсировали ношение портфеля с лихвой. Тем более что у Палкера была актерская жилка, а все, что происходило с ними в Ташкенте, очень напоминало театр. Сева рассказывал директорам про решения пленума и наглядную агитацию, торговался с бухгалтерами, а Палкер сидел в сторонке и тихонько посмеивался. Он к этому моменту свою роль уже сыграл. Когда они приезжали на место встречи, Палкер выходил из машины первым и открывал Севину дверь. Сева вылезал, не глядя на него, и направлялся ко входу в здание своей решительной походкой. Палкер следовал за ним на расстоянии в несколько шагов, с портфелем в руках. Жили они с Палкером душа в душу, но один раз между ними вышла размолвка. Палкер захотел поехать на экскурсию по древним городам великой империи Тамерлана. В трехдневный автобусный тур входили Ургенч, Хива, Самарканд и Бухара. Заплатить за экскурсию должен был, по его мнению, Сева.

– Ты хочешь, чтобы я дал денег? Я тебя позвал быть со мной, помогать мне. А ты собираешься свалить, да еще и денег хочешь. Не дам.

– Ты мне даже Ташкент по-настоящему не дал посмотреть! – возмутился Палкер.

– Говорю же тебе, в Ташкенте все как в Москве, нет только московских фарцовщиков и московских проституток. А все остальное то же самое.

– Я тогда на свои поеду, – для патологически скупого Палкера, который дома питался только кашами, это было невероятное заявление.

– Можешь ехать на свои, – пожал плечами Сева. – Но возвращаться тогда сюда ко мне не надо. Сразу вали в Москву.

Палкер обиделся и замолчал, но ни на какую экскурсию не поехал.

В качестве компенсации за несостоявшуюся поездку Сева повел Палкера в Яму.

– Ты чувствуешь, какие ароматы? – не уставал восхищаться он. – Божественные: запах жареного мяса и специй. Фантастика, Багдад, пещера Аладдина!..

Палкер согласился.

Они заказали по двадцать пять палочек сарпанжа – шашлыка из баранины и кабоб жигар – шашлыка из телячьей печени, шурпы литра на два и бутылку водки.

– Можно умирать, жизнь прожита не зря, – сказал Сева, отдуваясь.

– Все равно я тебе никогда не прощу, что из-за тебя я не поехал в Ургенч, – ответил Палкер, отставил тарелку и вытер пот с лица.

– Да чего тебе сдался этот Ургенч? Дыра дырой, – искренне удивился Сева.

– Это древняя столица Хорезма. Интересно посмотреть.

– Да что там смотреть? Хорезмом и древностью там не пахнет. Все это я видел, и единственное интересное место во всем городе, нет, скорее, поселке городского типа, – это где за базаром горох с мясом делают. Очень вкусный. Я, чтобы тебе было известно, осматриваю достопримечательности народные – кабаки.

Небольшая лекция о кабаках, которую устроил Сева Палкеру в Яме

Человек, который не на сто процентов советский, то есть ходит на демонстрации и сидит на собраниях, но ни черта в это не верит, вынужден приспособливаться к условиям, в которых он живет. Совершенно нет мест, где можно встретиться, а молодым людям – я имею в виду людям до пятидесяти, – хочется где-то посидеть и выпить. Так было всегда, есть и будет. Здесь надо понять следующую социологическую вещь, Леня, и ты как ученый должен со мной согласиться – люди на Земле рождены не одинаковыми, они разные. Один рождается блондином, другой брюнетом, и блондин хоть в задницу себя отымеет, но брюнетом не станет. Люди поделены на страты, и нормальное человеческое желание – подниматься вверх по социальной лестнице. Что такое подниматься? Это значит, человек хочет выделяться на фоне своей социальной группы, в которой он оказался в силу происхождения, образования, материальных достижений или неудач, своих интеллектуальных и физических возможностей.

Советский кабак, особенно любой из хороших московских ресторанов, – это единственное место, где люди одновременно могут отдохнуть от того казарменного социализма, в котором мы живем, и почувствовать временное, но превосходство над серой улицей за окном. Поэтому огромное количество командировочных по приезду в Москву обязательно должны попасть в кабак. Ведь ни в одном городе не существует ничего похожего. Третьяковка, театр – это для галочки, а для 99,99 процента приезжих главное – попасть в кабак. Чтобы попасть в ресторан, надо простоять два часа в очереди, на морозе или под палящим солнцем. Я никогда не стоял, я всегда прохожу без очереди и друзей провожу, как тебе прекрасно известно. Некоторые советские люди были в ресторане один раз в жизни и рассказывали мне потом с восторгом и в деталях о своем посещении, что они ели и пили. Когда я в Москве, мы с Женькой ходим в ресторан два раза в неделю.

Хорошие московские кабаки вот какие. На первом месте «Гранд-отель», где я был всего три раза и каждый раз с Женей. Потом он закрылся. Находился «Гранд-отель» в гостинице «Москва», вход был со стороны музея Ленина. «Гранд-отель» считался самым фешенебельным рестораном в городе: серебряная посуда, хрустальные фужеры, официанты в смокингах

и белых перчатках, фантастическое обслуживание. Поход нам стоил от трех до пяти рублей с бутылкой вина, то есть очень дешево. Я Жене это объяснил, и она со мной сразу согласилась: в самом лучшем советском ресторане цены такие же, как в самом хуевом кафе, поэтому глупо не ходить в лучшие места. Здесь к тебе с уважением относятся, и вообще, ты чувствуешь себя человеком. Первый раз Женя немного стеснялась. Публика в ресторане была богатая, хорошо одетая, а мы – нищие студенты. Но хоть мы и были почти детьми, нас там обслуживали как взрослых и богатых, высоко стоящих на социальной лестнице людей. Это доставляло удовольствие.

«Прага», «Метрополь», «Центральный», «Националь», «Будапешт», «Арагви» – это который около левого яйца коня Юрия Долгорукого. Попадание в эти рестораны считается подъемом по социальной лестнице. Я больше всего люблю «Центральный», куда меня еще мама мальчиком водила после школы обедать. Она никогда готовить не любила, и папина зарплата позволяла не экономить.

Кроме того, рестораны при творческих домах: ВТО, Дом кино, Дом литераторов, Дом художника, Дом журналиста. Но попасть в эти места очень сложно, вход только по пропускам – творческим книжкам соответствующего союза. Я туда хожу нечасто, потому что со входом бывают проблемы. А зачем нужны проблемы, когда есть места, где проблем нет. Да и не люблю я эти творческие кабаки, еда там так себе, и атмосфера мне не нравится.

Все эти советские художники, писатели, актеры, музыканты, композиторы – так называемая творческая элита – на самом деле обыкновенная шпана. Они протитутуют на советской власти, защищая моральные принципы и интересы, за которые нужно топить в выгребной яме. Строят из себя избранных, но в действительности обычные прибалтанные и воры от искусства. Вот и живут эти люди материально на несколько порядков лучше, чем окружающая масса людей. Все эти песни, картины, спектакли – пена...

Когда человек делает свое дело честно, его хоть можно понять. Простить его нельзя, но понять можно. А тот, кто все это делает, ни на секунду не забывая, что продается за деньги и покой, – его нельзя ни понять, ни простить. Тварь, хуже, чем палач.

Вся система в совке построена на разделении людей на четкие группы, и каждый из своей социальной группы пытается подняться в следующую, при этом твердо зная, что единственный способ подняться – это угождать социалистической власти. Чем выше человек поднимается по социальной лестнице, тем ниже он падает в моральном отношении. Без исключения. В науке то же самое. В науке для честного человека, не вступившего в партию, предел достижений – кандидатская диссертация и должность младшего научного сотрудника, потому что без протитутции ни один человек в Советском Союзе подняться не может. Это еще Сталин придумал, и он твердо знал, что абсолютно каждого, от мала до велика, можно схватить за яйца. Плюс полная уверенность в том, что если собирается компания больше пяти человек, то на сто процентов там есть осведомитель. Ни одного чистого нет. Кроме дворников, истопников, санитаров. Да и то не факт. Даже я протитутуюю, вполне осознанно, впрочем. Я издеваюсь над поганим строем, да, но пытаюсь его использовать. Так что все запачканы.

4

...Они приехали в очередной хлопковый колхоз. Тохтамыш-ака позвонил председателю райисполкома, тот в свою очередь своим подчиненным – и приказал показать ответственным товарищам из Москвы передовые колхозы области. Сева всегда начинал беседу с руководителями с небольшого вступления, чтобы они осознали важность момента.

– Здравствуйте. Меня зовут Савелий Матвеевич Бялый, я из Художественного фонда Советского Союза. Это товарищ со мной – кивок на молчаливого и серьезного Палкера. – Прибыл к вам из Москвы по решению последнего пленума ЦК партии. На пленуме со всей четкостью был поставлен вопрос о наглядной агитации и пропаганде советских ценностей. Сектор по Средней Азии направил меня на подъем работы в этом направлении в вашем районе.

Председатель колхоза замер по стойке «смирно».

– Ну, показывайте ваше хозяйство, сейчас вместе посмотрим, посоветуемся, решим, что надо делать. Детский сад у вас есть? – спросил Сева председателя.

– Да, конечно, недавно построили, – отрапортовал тот. – Совсем новый, совсем пустой пока.

В саду до сих пор не провели ни воду, ни канализацию, но идеология важнее физиологии, и председатель был рад закупить картины на сказочную тематику в количестве пятидесяти штук по цене две с половиной тысячи рублей за каждую. Сказочная тематика – это зайчики, лисички, петушки и колобки.

– Ты понимаешь, я это сам придумал и пробил, – инструктировал Сева Палкера в гостинице. – Если писать в ведомости «сказка», то она стоит пятьсот рублей, а если «многофигурная композиция», то есть, например, Лиса и Волк вместе, то она уже стоит две с половиной тысячи. Поэтому у нас не будет никаких сказок, только многофигурные композиции на сказочные темы.

Палкер достал из портфеля складную линейку и произвел замеры, чтобы впихнуть максимальное количество картин на метр полезной площади. Если одна к одной, то влезали все пятьдесят.

Из детского сада перешли в колхозный Дом культуры. В актовом зале Сева остановился напротив голой стены.

– Я считаю, что здесь должно быть какое-то пятно живописное, которое будет держать всю экспозицию. Например, сбор хлопка в Навоинской области. А вот сюда, думаю, подошла бы композиция «Ленин в Горках» – как вы считаете?

– Ленин в Горках, хорошо, конечно, – закивал головой председатель.

– Но мне кажется, было бы хорошо Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. Или с сестрой, – Севе была нужна многофигурная композиция, о чем председатель, разумеется, не догадывался. – Как вы думаете, какое ваше мнение?

– Я думаю, с Крупской. Все-таки – жена, – важно сказал председатель.

– Да, да, вы правы. Так и запишем: «Ленин с Крупской в Горках».

Палкер вписал в ведомость: холст, масло, багетовая рама, многофигурная композиция.

– Вот мы с вами как разбежались, много всего задумали. А нас потом ругать будут. Есть ли у вас деньги-то на оплату всего этого?

– Деньги есть, – твердо сказал председатель колхоза.

– Давайте все-таки главного бухгалтера позовем, – предложил Сева. – Точно узнаем, что будет, чего не будет.

После разговора с подозрительным и недовольным бухгалтером пришлось сократить первоначальный план и уложиться в сумму, которая была в наличии. Директор подписал ведомость.

На выходе из бухгалтерии Сева обратил внимание на пустые стены, еще не охваченные наглядной агитацией.

– В этом коридоре можно повесить портреты передовиков производства. Что вы думаете?

– Да, да, обязательно. Очень правильная мысль, – обрадовался председатель. – А что, художник приедет сюда портреты рисовать?

– Нет, вы мне фотографии соберите, а художник напишет портреты уже по ним. Так мы много времени сэкономим, зачем же отрывать рабочих от производства...

В приемной председателя колхоза подписали договор, поставили печать, пожали руки. От традиционного восточного приглашения вместе поужинать Сева отказался.

В самолете Палкер задумчиво разглядывал полученные фотографии передовиков.

– Кто все это рисовать будет? – спросил он у Севы.

– Как – кто? Грузины. Я получаю заказы, оформляю договоры и отвожу их художникам в Тбилиси. Да выброси ты эти фотографии, их никто не смотрит никогда. Грузины так говорят: тубетейка будет – и порядок.

Палкер рассмеялся.

– Знаешь, как они работают? Например, мой коронный номер – Брежнев на пшеничном поле. Это делают два человека: один рисует фигуру Леонида Ильича, а второй – пейзаж. И ставят две подписи. Небольшая такая картина, два метра на три. Нормальное творчество у ребят, а? Все заслуженные и народные художники, между прочим. Дай-ка мне портфель, – протянул руку Сева.

Палкер передал ему портфель, Сева с удовольствием перебрал бумаги.

– Когда прилетим в Тбилиси, покажем им договоры: «Смотрите, что я вам привез». Мы им бумажки, а они нам – деньги. У них займет пару-тройку дней всю сумму собрать, проживем там, а потом домой. Но заметь, Леня, ничего бы этого не было, если бы на последнем пленуме ЦК партии вопрос о наглядной агитации не ставился со всей четкостью.

Глава 2

Детство Жени

1

Женя умирала. Она лежала без сознания под капельницей с двумя дренажами в животе. Врач Морозовской больницы сказал ее маме Елизавете Львовне Прейжнер готовиться к худшему: вряд ли девочка переживет ночь. Женя запомнила, что она как будто увидела палату сверху – она сама лежит на кровати, мама рыдает у нее в ногах, опустив голову на руки. Женя поднялась выше и увидела коридор, по которому бегали дети, все в белом. Ей стало любопытно, что эти дети делают в коридоре, она хотела подойти и спросить, кто их туда пустил, но жалко было оставлять плачущую маму. Утром Женя пошла на поправку. Врачи сказали, что это чудо.

Выздоровливала она долго. Когда через несколько месяцев Женя смогла встать с кровати, выяснилось, что она разучилась ходить. Ее, пятилетнюю, заново учили вначале стоять, а потом переставлять ноги, шаг за шагом. Мама, папа и старшая сестра Таня, сменяя друг друга, водили ее по двору, пока она не начала ходить самостоятельно.

Прейжнеры жили в большой коммуналке на Арбате, бывшей усадьбе Рукавишниковых. От бывшего купеческого великолепия остались только удивительной красоты кованая ограда вокруг особняка и большой бальный зал с колоннами – «зала», как называли ее обитатели дома, – чудом не перегороженная и не поделенная на клетки, а так и оставленная в своем оригинальном виде. Дети любили устраивать там игры и танцы, хотя рассерженные соседи часто гоняли их. Парадный вход давно замуровали, и жильцы пользовались черным ходом, выводившим в просторный широкий коридор. У Прейжнеров была огромная комната с тремя большими окнами и своей личной маленькой кухней. По утрам за отцом, главным инженером завода пластмасс, приезжал бежевый трофейный «БМВ» и увозил его на работу. Мама, несмотря на два инженерных образования, не работала, посвятив себя дочерям Татьяне и Жене.

В пятьдесят втором году отца уволили с завода. Речь шла и об исключении из партии. Он боролся, пытался доказать свою правоту, потом махнул рукой и стал искать другую работу, но везде получал отказ – никто не хотел рисковать и брать к себе зачумленного космополита. Деньги закончились, мама потихоньку распродала вещи, чтобы прокормить семью. Семен Григорьевич каждую минуту ожидал ареста. Друзья рекомендовали ему уехать куда-нибудь подальше и затаиться, авось пронесет.

– Я прятаться не собираюсь и семью не брошу, – решительно отказывался Семен Прейжнер. – Если и ехать, то всем вместе. Сразу в Биробиджан. Оттуда дальше не сошлют.

Дома зазвучало это непонятное слово «Биробиджан», появились мешки, в них начали собирать вещи.

– Что такое Биробиджан? Зачем мы туда поедем? – спросила Женя у отца.

– Ну, Биробиджан – это такое место. Мы поедем в отпуск, отдохнуть. Вы же уезжаете с мамой каждое лето отдыхать, правильно? Едете два дня на поезде. Вот и сейчас поедем, – ответил Семен Григорьевич и погладил ее по голове.

– А почему мы едем отдыхать, ведь сейчас не лето? – после разговора с отцом спросила Женя у Тани.

– Ну да, отдохнуть. Туда одиннадцать дней на поезде ехать. Это не отдых, а ссылка. В этом Биробиджане зима круглый год, и туда специально отправляют только евреев, чтобы

они все умерли, – ответила Таня, которая была старше Жени на шесть лет и понимала больше.

После этих слов Женя спряталась под большим квадратным столом, накрытым длинной, до пола, скатертью с бахромой. Она не отозвалась, пока ее искали по всему дому и во дворе. Под плач матери и крики отца и соседей «Женя, Женя!» она свернулась калачиком и уснула. Там ее и нашли ночью, когда родители, обессиленные после безуспешных поисков, вернулись домой. Женя проснулась, когда ее попытались перенести на кровать, выходить из-под стола отказалась и так и осталась там жить. Никакие уговоры и угрозы не могли ее оттуда выманить, она выбегала в туалет и возвращалась под стол.

На Пурим, двадцать восьмого февраля, к родителям пришли друзья, дядя Изя и дядя Давид с женой. Мама поставила на стол гоменташ и вино, купленное на последние деньги, которые она выручила, продав на рынке несколько серебряных ложек с монограммой матери. Еврейские праздники дома никогда не отмечали, только раз в году, на Песах, ходили к папиным родителям, но сегодня был особый день.

Тарелку с несколькими пирожками мама передала Жене под стол, за которым сидели взрослые, пили вино и молчали, лишь изредка перекидываясь редкими словами.

– Гришка Лебедев из соседнего отдела, еврей тоже, подошел ко мне сегодня в курилке. Так сразу несколько голосов раздалось: «Ну, «Джойнт» уже в полном составе», – сказал дядя Изя.

– Говорят, что готовится полная депортация. Мне по секрету один знакомый особист рассказал, что по всей стране составляются списки на евреев – отделами кадров по месту работы и домоуправлениями по месту жительства. Есть два вида списков: на чистокровных евреев и на полукровок. Первыми вышлют чистокровных, полукровок – следом, – откликнулся дядя Давид.

...А в начале марта умер Сталин. Отец в тот день пошел проведать своих родителей, живших на Дмитровке, и оказался там заперт на время похорон. Несколько дней он не мог выйти, потому что ворота закрыли на замок. Окна их квартиры выходили во двор, и они не могли видеть, что происходит на улице, но до них доносились непонятный скрежет и крики раздавленных. Соседи рассказывали, что у здания прокуратуры образовался затор, толпа на улице почти не двигается, люди стоят на месте и давят друг друга.

– Лиза, не смей выходить из дома. Ты не представляешь, что здесь творится! – Семен Григорьевич позвонил домой предупредить жену.

– У нас на Арбате все спокойно, не волнуйся.

– Я звонил Изе, он сказал, что слышал по немецкому радио, будто первый удар случился именно двадцать восьмого февраля. Ты представляешь, точно на Пурим! Как здесь не уверовать? Папа надел ермолку и целый день читает псалмы.

– Сема, ты с ума сошел, не по телефону. – И мама повесила трубку.

Таня вернулась из школы и рассказала, что в школе все рыдали в голос, их учительница, милейшая Раиса Андреевна, не могла стоять на ногах, и ее держали под руки. По лицу у Раисы беспрерывно текли слезы, и она говорила: «Если бы сейчас спросили, что у меня самое дорогое? Дочка, конечно. И вот скажи: отдай ее, и он воскреснет, я бы согласилась».

– Ты бы меня отдала за Сталина, мама? – спросила Таня. Мама только махнула на нее рукой, мол, не городи чушь.

– А меня? – испугалась Женя под столом.

Таня села на корточки и подняла скатерть, чтобы видеть Женю.

– Все девочки у нас в классе лежали лицами на партах, уткнувшись в рукав, и плакали. Я не плакала, но трясла плечами, как все, и думала, что теперь нам не надо будет ехать в Биробиджан. Вылезай.

В конце года им объявили, что их дом вместе с несколькими соседними выселяется, высвобождали место под строительство нового высотного здания МИД. Семен Григорьевич к этому времени уже устроился на новую работу, правда, лишь начальником цеха, а не главным инженером, но это была работа. Он отправил жену с дочками отдыхать на все лето в Лазаревское, а переезд взял целиком на себя. Возвращаясь, мама уже знала, что они едут на новую квартиру. Папа встретил их на машине, и они поехали не на Арбат, как обычно, а на Фили. Ехали долго. Когда вошли в новое жилье, то поняли, что им достались две комнаты в трехкомнатной квартире с соседями. Настроение у мамы было ужасное: другие, переехавшие из их дома на Арбате, получили отдельные двухкомнатные квартиры...

Женя вышла на балкон и увидела болото, за которым открывался вид на проселочную дорогу в деревню Мазилово.

– Ой, болото! – обрадовалась Женя.

– Это не болото, это пруд. По-моему, очень красивый. Лиза, ну посмотри сама. – Папа пытался изобразить энтузиазм.

– Если это пруд, то почему лягушки квакают? – спросила Елизавета Львовна. – Конечно, Женя права – это болото.

– Я не слышу никаких лягушек, – упрямо покачал головой отец. – Это тебе кажется. А вот там, налево от деревни, дача Сталина. Я вас туда как-нибудь отведу.

Мама, поморщившись как от зубной боли, отвернулась и закурила.

Елизавета Львовна не была похожа на других мам. Она всегда носила красивые платья, которые шила или подгоняла по ее стройной фигуре свекровь, обшивавшая всю семью, туфли на невысоком каблучке, красила губы красной помадой, высвечивающей ее голубые глаза, и курила. Мама не прощала людям глупости и была остра на язык, но вступать в конфликты не любила и поддерживала со всеми ровные отношения. Она не выносила бездействия, была все время занята и не терпела лени в других. «Опять бездельничаешь?» – злилась она, увидев Женю на кровати с книжкой в руках. И тотчас давала ей поручение: выбросить мусор, подмести, помыть посуду, позвонить бабушке. А еще лучше, позаниматься на фортепиано. С Женей, поздним ребенком, родившейся, когда Елизавете Львовне было уже сорок лет, она старалась быть строже, боялась избаловать.

Женя, взрослея, все хорошела, и окружающие не давали ей забыть о ее внешности. Когда она еще сидела в коляске, прохожие останавливали Елизавету Львовну и громко восхищались золотыми кудрями девочки, ее голубыми глазами и белой фарфоровой кожей: «Кукла, просто кукла! Ее бы в витрину». В школе Женя вела все вечера и торжественные сборы, ее всегда сажали играть на фортепиано перед разнообразными комиссиями, и она знала, что дело не только в ее музыкальных способностях. Просто она очень хорошо смотрелась за инструментом в белом платье, с рассыпанными по плечам золотыми волосами. Хуже всех был папа. Иногда он подолгу заглядывался на Женю: «До чего же хороша! – говорил он и украдкой утирал слезу. – Ангел!»

– Да что же ты такое говоришь, Сема?! – сердилась Елизавета Львовна. – Ты знаешь, куда ангелы в конце концов попадают? Нет, плохая, плохая! Женя, иди вынеси ведро!

Женя провела счастливые годы на Филях. Пруд очистили, насыпали песчаные берега, и девочки бегали туда летом купаться. Во дворе построили новые дома, и они закрыли вид на деревню Мазилово.

Папа так и не отвел их с Таней посмотреть на дачу Сталина, у него не было времени. «БМВ» за ним больше не присылали, он добирался до работы два часа своим ходом. На новом месте ему нравилось, его любили, и в конце концов он опять стал главным инженером. Женя продолжала заниматься музыкой. Поначалу после переезда мама еще возила ее в музыкальную школу на Арбат, но это было тяжело, и Женя стала заниматься музыкой по соседству – в Доме культуры имени Горбунова.

2

Женя заканчивала восьмой класс, когда стало известно о новшествах в системе школьного образования. Вместо десяти классов им сделали одиннадцать и ввели обязательное профессиональное обучение. В их школе специальность для девочек была «продавец в обувном магазине».

– Почему так узко? В стране именно продавцов обуви не хватает? Больше обуви, что ли, стали производить и теперь ее некому продавать? – возмущался Семен Григорьевич.

– Хоть бы повар был – научилась бы готовить, а так что? – отвечала ему Елизавета Львовна.

В школе родителей успокаивали: «Рядом построили новый микрорайон, и там открыли обувной магазин, так что практические занятия будут проходить близко от дома».

Однажды Женя возвращалась с девочками из кино, и они решили заглянуть в этот обувной магазин, проверить, что к чему. В окне она увидела отца. Он задумчиво стоял у прилавка и наблюдал за работой продавщиц. После посещения магазина Семен Григорьевич твердо решил перевести Женю в другую школу: его дочь не будет продавать обувь и нюхать чужие ноги.

Перевестись оказалось не просто, слишком много было желающих. Наконец, через знакомую, бывшую соседку по дому на Арбате, удалось пристроить Женю в школу на Кутузовском проспекте, с производственным уклоном «портной женского легкого платья». Профессиональной подготовке по швейному делу посвящались два полных учебных дня в неделю.

– Научишься шить, это хорошо, – сказала мама.

Но учиться шить Женя не захотела. Она не выносила уроки шитья и, по выражению учительницы, «успешно симулировала неспособность к швейному делу».

– А еще училка все время говорит «паруйтесь». Что значит паруйтесь? Мы что, в зоопарке и должны спариваться? Что хочешь делай, мама, но я на эти уроки ходить не буду.

Елизавета Львовна расстаралась и добыла для Жени справку об освобождении от профуклона. До окончания школы Женя эти два дня проводила дома.

Женя оставалась первой красавицей школы, пока к ним в десятом классе не перешла Катя Гордеева, дочь известной театральной актрисы, высокая, статная девушка с огромными серыми глазами. Они сразу подружились. Сидели за одной партой, болтали на переменах, вместе бегали в буфет, встречались после школы, ходили в кино, в театр. Катя проводила Женю за кулисы на спектакли матери.

Первый раз, увидев их обеих вместе у себя в гримерке, актриса рассмеялась.

– Вот злые люди говорят, что красивые женщины специально выбирают себе уродливых подруг, чтобы на их фоне казаться еще красивее. Глупость! Посмотрите на себя – обе красавицы, каждая по-своему. Катя – спокойная, величавая, блоковская Снежная маска:

Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И ты, Женя, нервная, хрупкая, как Соломинка Мандельштама:

Соломка звонкая, соломинка сухая,
Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,

Сломалась милая соломка неживая,
Не Саломея, нет, соломинка скорей.

Она декламировала стихи низким грудным голосом, приложив руку к сердцу, как будто перед ней был заполненный амфитеатр, а не две девчонки-школьницы. Жене не понравился «ее» стих: почему соломка неживая, какую смерть она выпила?

...Кате подбросили на стол письмо, очень нехорошее, со множеством гадостей в ее адрес. Когда Женя подошла к их парте, Катя, с горящими щеками, протянула ей исписанный лист бумаги.

– Это ты написала?

Женя взяла письмо в руки. Кто-то не поленился подделать ее почерк и даже вставить пару ее любимых выражений.

– Катя, бог с тобой. Это ерунда какая-то...

– Так это ты или нет? – повторила Гордеева.

– А ты как считаешь? – Женя вспыхнула до корней волос.

– Я не знаю, но почерк твой.

Больше они с Катей не общались. Гордеева пересела за другую парту, и на переменах беспрерывно смеялась с девчонками, как казалось Жене, ей назло.

– Я ведь вижу, что ты переживаешь, думаешь об этом, – сказала ей Елизавета Львовна. – Почему ты не хочешь объяснить Кате, что ты это письмо не писала, что это фальшивка?

– Раз она могла подумать, что я на такое способна, значит, такого она обо мне мнения и, по-моему, дружба здесь невозможна, – заявила Женя.

– Но она не может залезть в твою голову и узнать, что ты думаешь, пока ты этого не скажешь. Люди все устроены более или менее просто. Они хватаются за то, что на виду, за то, что более очевидно. Твой почерк – значит, ты написала.

– Мама, здесь не о чем больше говорить. Я не собираюсь унижаться, оправдываться и что-то там объяснять.

– Это называется гордыня, доченька, – вздохнула Елизавета Львовна. – Никому в жизни это еще не помогало, только шишки себе набьешь.

3

После десятого класса Женя поехала отдыхать в свой первый взрослый отпуск с Ирккой Успенской, с которой они сидели за одной партой и были неразлейвода. Семен Григорьевич со скрипом согласился отпустить Женю и дал денег на поездку, но потребовал, чтобы она звонила и писала каждый день.

В разгар пляжного сезона Геленджик был заполнен отдыхающими, и девушки с трудом сняли небольшую комнатку у самых гор. На море надо было идти через весь город, волоча на себе все оборудование: ласты, маски, подстилки, питье, еду, книги. На центральном городском пляже с мягким песком люди были утрамбованы как шпроты в банке, которым даже не хватало места расстелить полотенце, и они стояли как столбы. Женя и Ирка ходили на далекий дикий пляж, где отдыхающих не было, потому что их отпугивал покрытый острой галькой берег.

С начала отдыха прошла неделя, когда они обнаружили на своем месте, под большим развесистым деревом, компанию ребят. Мальчики громко смеялись, толкались и поливали друг друга водой. Их товарищ, который читал книгу, молча взял свою подстилку и ушел от них подальше. Это вызвало у двоих оставшихся новый приступ смеха. Тот же невозмутимо открыл книгу и углубился в чтение.

– Девчонки, идите сюда, под дерево! Тени на всех хватит, – позвал один из мальчиков. Познакомились быстро. Оказалось, что ребята тоже из Москвы, биофизики, учатся в МГУ на биофаке.

– А мы еще в школе, – сообщила Ирка, – нам ввели одиннадцать классов, так что остался еще год.

Мальчики переглянулись и довольно засмеялись.

– Не повезло вам, целый год терять в школе. Мы успели десять закончить. Кстати, меня зовут Игорь, это Антон, а тот умник в очках, читающий книгу, – это Витька.

Умник даже не повернул головы, хотя слышал, что говорили о нем.

Женя взяла ласты и побежала в море. Из-за каменистого дна в воду можно было войти только с деревянных настилов на сваях, уходящих в море метров на десять, туда, где уже глубоко. Очкарик вдруг поднялся, взял ласты и двинулся к морю, но с другого настила. Оба прыгнули одновременно и поплыли. Женя изо всех сил старалась обогнать Витьку, ей не понравилось, что он демонстративно не обращал на нее внимания. Женя с семьей каждое лето проводила на море и была отличной пловчихой, до буйков она доплыла первой. Позади нее раздался крик Витьки. Она развернулась и поплыла в его сторону.

– Очки! Очки волной смыло, – крикнул ей Витька и нырнул.

Они с Женей еще покрутились на этом месте, поныряли, но очки, конечно, не нашли. Витька, видимо, расстроился. Он быстро собрал вещи и ушел, не сказав никому ни слова.

– Надо же, что это он ушел, вот так, не попрощавшись? – удивилась Женя.

Она привыкла к тому, что, где бы ни появлялась, сразу оказывалась в центре мужского внимания.

– А что ему здесь делать, – беспечно сказал Игорь, – очки он потерял. Читать теперь не может.

На следующий день московской компании на пляже не было. И через день тоже.

– Все, сегодня идем на танцплощадку, – неожиданно объявила Женя вечером.

– А что это ты вдруг? – удивилась Ира.

– Ничего не вдруг. Надо уже пойти посмотреть, что там происходит.

Первый раз за время отдыха они нормально оделись, прихорошились и пошли на танцы. Пляжных москвичей там не оказалось. Но к ним очень быстро подошел симпатичный парень и пригласил Женю и Иру по очереди на танец. Он тоже был из Москвы, учился в МИФИ.

На следующий день физик, которого звали Костя, присоединился к ним на пляже. За кем он ухаживает, за Ирой или Женей, было непонятно, он оказывал им обеим одинаковые знаки внимания. Витьки и московской компании по-прежнему не было. Когда через пару дней москвичи все-таки пришли на пляж, Витька был при очках, больше похожих на водолазную маску, закрывавших пол-лица. Где он их достал – неизвестно, такие вышли из моды еще до Рождества Христова.

– Вот мотались, искали очки. В городе не нашлось, пришлось всю область объездить, – сказал Витька Жене, хотя она его ни о чем не спрашивала.

– Зато смотрите, что мы там приобрели, – Игорь вынул из сумки бутылку с самогонном. Самогон был мутный, и от него разлило сивухой.

– Вы с ума сошли? Вы же биофизики, а будете на пляже в такую жару самогон пить? – Женя поморщилась.

– Невозможно представить русскую науку без давних традиций застолья. Неформальное общение и обучение в лабораториях не менее важно, чем общение формальное и официальная учеба. – Игорь залпом выпил полстакана. – Не «несмеяновка», конечно, но мы и не такое пивали.

– Вы говорите «мутный», – Антон рассматривал бутылку с самогоном на свет. – А вот послушайте историю. Нам как-то с Бяшей выпить захотелось. Бяша – мой друг, я его еще со школы знаю. Мы вместе в университет поступили. Он должен был с нами в Геленджик ехать, но в последнюю минуту у него не получилось, и Витька вместо него поехал... Так вот, мы слили спирт из банки, в которой был заспиртован препарат, эмбрион какой-то. Банки эти с препаратами огромные, высотой метра полтора или выше. Нужно несколько человек, чтобы слить оттуда спирт, – держать, чтобы банка не упала и не разбилась. Позвали Марата, он здоровый пацан, чтобы помог. Понесли продавать в киоск у метро у Киевского вокзала. Продащица спрашивает: «А что он такой белый, спирт-то?» Бяша говорит ей: «Так это медицинский спирт. Тройной очистки». Она отвечает, что возьмет, только если мы прямо там, на месте, при ней его попробуем. Я сразу сказал, что пить не буду. Бяша предложил кинуть жребий. Я говорю: «Нет, я вообще не буду. Оставим ей бутылку и уйдем». Ну, Марат взял и выпил. Получили деньги, и на эти деньги купили бутылку, которую вместе и выпили. Марат выпил больше – заслужил.

Все засмеялись.

– Вы его спросили, как на вкус-то? – спросил Витька.

– Сказал, ничего особенного. Мы теперь ему почти каждый день сливаем. И все в порядке, живдоров.

У Жени, хотя она сама вообще не пила, тоже была история.

– Мой папа работает на химическом заводе. Они в производстве используют не спирт, а денатурат – специально, чтобы рабочие не пили. Они все равно пьют, конечно. Называется это «выпить на выхлоп» – выпивают в самом конце смены, успевают пройти через проходную и падают сразу за воротами, то есть уже не на территории завода. У них, папа говорит, измерено даже количество шагов, то есть какое расстояние он может пройти до того, как упасть. Но не дай бог, если кто-то его задержит на проходной. Тогда он упадет на территории завода и будет наказан.

Биологи и физик Костя уехали раньше, на прощание взяли у девочек телефоны. Витька начал звонить еще до того, как Женя вернулась из отпуска. После первого свидания Женя позвонила отчитаться Ирке, и выяснилось, что той позвонил Костя.

– Ага, значит, он все-таки определился наконец, – засмеялась Женя.

4

Витька ждал ее в начале Гоголевского бульвара – Жене было удобно после школы сесть у кинотеатра «Призыв» на восемьдесят девятый автобус, довозивший ее до Арбатской площади. Витька сказал, что они встречаются уже три месяца, и ему надоело гулять по бульварам, ходить в музеи и кино. Он не ест, не спит, не может сосредоточиться, не может заниматься, он похудел на три килограмма – и все потому, что постоянно думает о Жене. И на уровне молекулярной биологии он объяснил, что все живые существа стремятся к размножению.

– Ты с ума сошел, что ли? – ахнула Женя. – До свадьбы? Об этом даже разговоров никаких быть не может.

– Кто говорит о свадьбе? Я только на третьем курсе.

– И я еще в школе, – отрезала Женя. – Поэтому об этом даже не заговаривай.

Витька замолчал. Они свернули с Гоголевского бульвара на Сивцев Вражек и пошли по направлению к Денежному. Сколько лет прошло после переезда на Фили, но Женю все равно тянуло в свои места.

– Это биология. Инстинкт продолжения рода – это возможность индивидуального бессмертия. Инстинкт говорит, что сексуальные отношения необходимы для выживания. И если

их нет, человек переживает биологический страх перед лицом реальной угрозы физической смерти, – бубнил Витька.

В этот момент они повернули в Денежный. Женя дернула Витьку за рукав.

– Смотри, вот ровно на этом месте стоял мой дом, там, за забором. Даже не посмотреть, что сейчас внутри. Знаешь, здесь было три дома все под одним номером и такой большой сад, только наш, только для детей этих трех домов. Он был отгорожен от улицы фигурной кованой оградой с разными животными и цветами. И в центре сада росла вековая липа.

Виктор стоял, глядя в землю, и ковырял носком ботинка асфальт. Женины детские воспоминания в этот момент его не интересовали.

– Инстинкт есть, и он одинаков для мужчин и женщин, но многие поведенческие нормы привиты обществом. И согласно этому коду поведения девушка обязана строить из себя недотрогу и сопротивляться естественным биологическим императивам, – методично продолжал Витька.

– Знаешь что? – не выдержала Женя. – Ты мне надоел! Ты даже не хочешь посмотреть на место, где я родилась и выросла, а потом у тебя хватает наглости говорить, что я что-то там из себя строю.

Она развернулась и быстро пошла в направлении Арбата. Витька догнал ее и схватил за руку. Женя вырвалась.

– Все, заканчиваем отношения. Ты не можешь так, а я не готова этак. Страх смерти у меня нет. Мало этого, я убеждена, что и ты не умрешь. Больше не звони.

Женя тосковала. В школу ходить было невозможно, сидеть за партой, слушать учителей и детские разговоры подруг – от одной мысли ее передергивало. Утром она надевала форму, брала портфель и уходила из дома, а сама ехала на Арбат, ходила в кино, бесцельно толкалась в магазинах – денег у нее все равно не было, – гуляла по своим любимым арбатским переулкам. Или шла в Филевский парк, бродила в одиночестве по тропинкам, подбирала с земли палки и сбивала последние красные листья, оставшиеся на деревьях.

Неделю она вытерпела, а потом поехала к дому Витьки на улицу Лесную. Она не думала подниматься, звонить, хотела только посмотреть на его окна.

Женя стояла внизу и представляла, как совсем близко от нее, кажется, протяни руку – и дотронешься, Витька в своей комнате сидит за столом и готовится к очередному экзамену.

– Смотри-ка, услышала. – Женя вздрогнула от неожиданности и повернулась. Рядом с ней стоял Витька и улыбался. – Это я тебя звал.

– Ничего я не слышала.

– Я не вслух, я про себя. Уже два или три дня тебя зову, мысленно.

Витька привел Женю к себе, мамы и бабушки не было дома. Когда он, изнуренный месяцами страданий и воздержания, излился на Женю ниагарским водопадом, она вскрикнула от отвращения. Ей никто про это не рассказал. Теоретически Женя знала, что такое семяизвержение, но не представляла себе, каково это в реальности, и ей не понравилось.

– Какая гадость! Что это, ты с ума сошел? – Она скинула Витьку с себя и вскочила с кровати.

– Ты о чем? Что случилось? Я сделал тебе больно?

– Ничего мне не больно. Почему это так воняет?

– Ты имеешь в виду сперму?

– Зачем ты сделал это на меня? Посмотри, ты мне всю комбинашку испачкал. – Женя так и не разделась до конца.

– Вообще-то так не должно быть, – пожал плечами Витька, – но мы же не хотим, чтобы ты забеременела, вот так и получилось.

Помывшись с мылом три раза и застирав комбинацию, Женя, по-прежнему в возмущении, поехала домой. Витька пошел ее провожать и всю дорогу шел позади на расстоянии нескольких шагов, близко его к себе Женя не подпускала.

У Витькиных родителей была дача в Болшеве, и Витька с Женей ездили туда на электричке с Ярославского вокзала. В межсезонье там было безлюдно, что их очень устраивало.

Витька без конца говорил о биофаке. Из его рассказов выходило, что это лучшее место на земле. Он уговаривал Женю после школы попробовать поступать именно на этот факультет.

– Обрати внимание: Игорь, Антон, Марат... Ты же видела их, они все профессорские дети, из богатых семей, с такими связями – ого! – а выбрали именно биофак, – заливался соловьем Витька.

– Да, – кивнула Женя и осторожно произнесла: – А тебе не кажется, что они над тобой постоянно... м-м-м... подшучивают, что ли?

– Ты заметила? А ведь я – лучший студент факультета, учусь как зверь, получаю повышенную стипендию. А они со своими шуточками как будто до конца не воспринимают меня всерьез. И в то же время Бяшу слушают с открытыми ртами, что бы он ни сказал, соглашались. Он их называет в шутку «моя свита». Куда он, туда и они...

Женя слушала и кивала, а сама думала, что должна поговорить с родителями. Они хотели, чтобы она шла в Менделеевку. Семен Григорьевич там преподавал, у него имелись связи, это было надежно. «Я хочу учиться в университете, – решила для себя Женя. – И плевать на пятый пункт. Другие ведь как-то поступают».

Стояла весна, они с Витькой лежали под большим дачным окном с развевающейся занавеской, сквозь которую пробивался солнечный свет, пахло сухой мандариновой коркой, оставшейся от отмечания Нового года, оттаявшей землей, и каждые двадцать минут гудел свисток паровоза.

5

Шли выпускные экзамены. Женя все время проводила в школе, готовилась к выпускному вечеру – она была одновременно его драматургом, режиссером, композитором и ведущей. Кроме того, надо было позаботиться о платье, и Женя решила сшить его сама. С Витькой они виделись все реже. Еще успели отметить окончание школы в ресторане на двенадцатом этаже гостиницы «Москва», а потом он уехал в Чашниково, на летнюю биологическую практику.

Летом, вместо того чтобы готовиться к поступлению в институт, Женя бесцельно шаталась по городу. Поступать в Менделеевку она отказалась наотрез. Про университет Семен Григорьевич и слышать не хотел, конкурс на биофак был огромный, он говорил, что Жене с ее фамилией ничего там не светит, она не поступит и потеряет год. Он направил ее к своему старинному другу дяде Изе, декану недавно созданного факультета радиоэлектронной аппаратуры в МАТИ. Чтобы не спорить с отцом, Женя поехала на Берниковскую набережную в МАТИ. Дядя Иза устроил ей экскурсию по институту, но она знала, что учиться там не хочет.

Наконец Витька позвонил. Не дав ему раскрыть рта, она засыпала его предложениями о походах в кино, театры, куда-нибудь, только бы не думать о «претензионном приборостроении».

– Пре-ци-зи-он-ное, – по слогам поправил Витька. – Значит, высокоточное. Ты бы овладела терминологией, а то над тобой смеяться будут.

– Я посмотрю на того, кто будет надо мной смеяться, – хмыкнула Женя. – Ладно, это все ерунда. А главное, я записалась на курсы подготовки к поступлению на биофак. И там

познакомилась с Машей Шаховой, она принимала у меня документы. Маша говорит, что вы с ней на одном курсе. Здорово, правда?

– Машка? Ну, она на другой кафедре, на генетике, кажется. Пустая баба, из нее ничего не выйдет.

– Что значит, «ничего не выйдет»?

– А то, – с пренебрежением сказал Витька, – что она на четвертом-пятом курсе выскочит замуж, нарожает детей и устроится старшей лаборанткой в какой-нибудь занюханный институт. Это высший предел ее карьеры.

– Ну, не знаю. Она одну очень важную вещь мне посоветовала – поступать не на дневное отделение, а на вечернее. Она говорит, что на факультете сейчас кампания по профориентации. Тем, у кого год стажа по специальности, помогают на экзаменах. Если окончить первый курс с хорошими оценками, можно будет потом перевестись на дневное отделение.

– Никого не знаю, кто бы с вечернего перевелся. Я бы на твоём месте пошел поступать к отцу, – заявил Витька.

Женя ушам своим не поверила:

– Но ведь ты мне сам говорил про биофак...

– Одно дело мечты, другое – реалии жизни. В Менделеевский ты точно поступишь, и отец тебе потом сможет помочь с работой, – проговорил Витька. – Но я, собственно, звоню сказать, что через два дня уезжаю отдыхать. Мы не успеем встретиться, у меня еще куча дел.

– Как – отдыхать? Ты не дожدهшься меня? – растерялась Женя.

– Нет, мы едем университетской компанией, и билеты уже куплены.

И Витька, к полному недоумению Жени, на самом деле укатил отдыхать.

В день его отъезда Женя пошла в МАТИ на первый вступительный экзамен по математике, получила листы с заданием, посидела и сдала их, ничего не написав. Родителям она не стала говорить, что даже не думала ничего решать, наврала, что получила двойку.

Лето закончилось, Витька не звонил. Дома у него к телефону никто не подходил. Наконец трубку взяла его бабушка.

– Да, Витя в Москве, но его нет дома.

Дома его не было теперь постоянно, сколько бы Женя ни звонила. Пару раз она ездила на Лесную, стояла под окнами в тайной надежде, что вот прямо сию секунду он повернет из-за угла, увидит ее, обрадуется, подбежит, обнимет, и все пойдет, как было. Но чуда не произошло, она ни разу Витьку не увидела. Объяснение состоялось по телефону.

– Но как же так? Почему? – Женя сама понимала всю бессмысленность вопроса, но удержаться не могла.

– Ну, все проходяще в жизни, – равнодушно и отстраненно произнес Витька. – Все приходит, все уходит.

...Женя рыдала у себя на кровати, накрывшись с головой одеялом. Елизавета Львовна села у нее в ногах, погладила по голове. Жена порывисто обняла мать.

– Мама, но почему, почему? Я не понимаю. Как такое может быть?

– В жизни каждой женщины бывает такой момент, – начала Елизавета Львовна. – Я помню, я была приблизительно в твоём возрасте, когда...

– Нет, – замотала головой Женя, – не говори, не говори мне про себя! Я не хочу слушать!

– Вот ты говоришь «почему», – проговорила Елизавета Львовна, когда Женя немного утихла. – Здесь нет «почему», просто так получается, и все. Ты поплачь, не надо в себе копить. А потом придется встать и жить. Больше-то делать нечего. Сначала тяжело и очень обидно, а потом отпускает. Ты еще встретишь своего суженого.

– Ой, ну, мама. Как ты не понимаешь, я не хочу никого другого встречать. Я Витьку люблю.

– А помнишь, – улыбнулась Елизавета Львовна, – как ты вот так же плакала, когда Ленька Петин тебе письмо, что ли, какое-то прислал, что не любит тебя? А сейчас ты и не помнишь его, и на улице, наверное, не узнаешь, если встретишь.

– Как ты можешь сравнивать? – Женя от возмущения даже перестала плакать и села на кровати. – Мне тогда было тринадцать лет, и это была не любовь. И не письмо прислал, а кусочек желтой бумаги в конверте.

– А это что обозначает?

– Желтый цвет значит измена. Нет, ну что ты, мама, вдруг это вспомнила? Это же детский сад какой-то.

– Но ведь слезы и страдания были настоящие. И рыдала, и губы вот так же раздуло, и в школу не ходила несколько дней. Все прошло, и это пройдет. И станешь только мудрее и сильнее.

– Мама, уйди, пожалуйста. Я знаю, что ты как лучше хочешь, но мне сейчас плохо, а ты смеешься. – Женя опять упала на кровать и накрылась подушкой.

Особенно тяжело бывало по утрам. Женя просыпалась и понимала, что ее ждет еще один день, когда она не увидит Витьку, не поговорит с ним. Она лежала и прокручивала в голове, что же она сделала не так, в чем ошиблась, чем могла его обидеть. Вспомнилось, как в последние недели перед выпускными она часто отказывалась ездить с ним на дачу, потому что ей надо было готовиться к экзаменам. Потом он перестал настаивать, и она вздохнула с облегчением, а стоило бы задуматься... Но как бы ни было плохо, надо было подниматься и идти на работу. Она устроилась лаборанткой в Институт педиатрии.

Приняв душ, Женя заставляла себя выпить чашку кофе и шла на остановку сто тридцатого автобуса, по прямой довозившего ее до Ломоносовского проспекта. В лаборатории Женя до обеда готовила химически чистую посуду, осваивала микротом и микроскоп, кормила животных в виварии: в отдельных клетках содержались крысы, лабораторные белые мыши, цыплята, кролики, кошки и три собаки.

Оказалось, что получение химически чистой посуды – дело непростое. Вначале она мыла каждую колбу под проточной водой двадцать раз. Сушила и обрабатывала хромпиком. Потом обрабатывала десять раз дистиллированной водой и пять раз особым раствором. В конце стерилизовала посуду в автоклавной. Работать приходилось в перчатках и маске из-за высокотоксичного хромпика. У Жени был свой стол, и когда случались перерывы в работе, она готовилась к экзаменам.

Однажды заведующий отделом попросил ее занести папку с бумагами в клиническое отделение, располагавшееся на их же этаже, напротив лаборатории.

Массивная дверь была заперта. Женя позвонила в звонок.

– Мне вот нужно передать, – сказала Женя открывшей ей сестре.

– Проходи. Скорее, скорее! – махнула рукой сестра и тут же снова заперла дверь.

Передав бумаги, Женя осталась в отделении. Ее окружили ребяташки странной наружности. Она таких раньше никогда в своей жизни не видела. Они были все похожи друг на друга, маленькие, толстенькие, с круглыми маленькими головами, плоскими лицами и небольшими узкими глазами. Дети смотрели на Женю, как на чудо-юдо заморское, и улыбались во весь рот. Один мальчик побойчее подошел к ней совсем близко.

– Какая ты красивая, – сказал он.

– Спасибо. Ты тоже очень красивый, – ответила Женя.

Мальчик застеснялся, закрыл лицо руками и спрятался за спинами других.

Все засмеялись – и сестры, и дети.

– Это наш Антоша. У него синдром Дауна. И у других детишек то же самое, – сказала сестра. – Ты знаешь, что такое синдром Дауна?

Женя отрицательно покачала головой. Она никогда не видела и ничего не слышала про даунов. Дети уже взяли Женю за обе руки и тянули ее за собой. Они толкались и смеялись, и переговаривались между собой, но разобрать слова Женя не могла.

– Они умственно неполноценные? – шепотом, чтобы дети не услышали, спросила она.

– Отставание в развитии – одно из проявлений симптома, но все зависит от ребенка. У нас есть такие, которые сами себя обслуживают и читать и считать умеют, рисуют прекрасно. Есть и другие, конечно. Они тебя ведут в игровую комнату. Пойдем, сама все увидишь.

Когда они вошли в комнату, две сестры внесли на руках девочку и положили ее на кушетку. Она сразу же с интересом стала рассматривать Женю. Глаза были единственной живой частью ее маленького тела, которое безвольно, как тряпичная кукла, лежало на кровати.

– Это Дашенька. У нее миопатия – полная мышечная слабость. Она вообще не может двигаться, нет тонуса мышц. Но она очень любит следить за другими детьми и радуется. Вот тебя, новенькую, увидела – и смотрит. Ты ей нравишься. Попробуй ее попоить. Не бойся. У тебя получится.

Женя взяла поильник и дала его Даше. Та пила и смотрела на Женю такими радостными живыми глазами, полными интереса и благодарности, что Жене захотелось разрыдаться и убежать. Вместо этого она села на кровать и поправила прядь волос, упавшую на лоб девочки.

– А давай, я тебе что-нибудь почитаю. – предложила Женя и посмотрела на сестру. – Можно?

– Конечно. Ты им нравишься. Эти детки очень чуткие, раз они к тебе тянутся, значит, чувствуют, что ты им зла не сделаешь. Почитай Даше, порисуй потом с другими. Им больше всего нужна забота и любовь.

Теперь Женя каждый день ходила в клиническое отделение и часто оставалась там до самого вечера. Антоша ждал ее у двери и, когда она входила, прыгал от радости, как резиновый мячик. Сестры доверяли Жене кормить детей и, когда надо, переодевать и мыть. Больше всего ей нравилось с ними заниматься. Она собирала вокруг себя группу детей и учила их читать. Очень медленно, но они продвигались. Николай Борисович, одноногий врач-педиатр, иногда приходил понаблюдать за их успехами. Дети его любили. Когда он приподнимал брючину и показывал им свой протез, они приходили в восторг, хлопали в ладоши и прыгали на одной ноге.

Весной Ирка Успенская вышла замуж за своего Костю. Из загса поехали к ним домой. Несколько столов соединили в ряд, шедший из одной смежной комнаты в другую. Дверь, чтобы не мешала, сняли с петель и поставили на лестнице. Народу было – тьма. Ирка привела весь свой курс с мехмата, а Костя половину МИФИ. Ира с Костей сидели во главе стола с одинаковыми счастливыми улыбками.

Женя чувствовала себя одиноко, она никого здесь не знала. Ее беспрерывно приглашали танцевать, но она всем отказывала и продолжала сидеть рядом с Иркиной бабушкой, наливая себе бокал за бокалом.

– Теперь твоя очередь, – сказала Иркина бабушка. – Мы все всегда считали, что ты первая замуж выйдешь из вас двоих, а смотри, как все повернулось.

– Почему я? – удивилась Женя.

– Ну, такие, как ты, недолго в девках ходят. Ира-то у нас серьезная, учеба, наука, а у тебя все хихоньки да хахоньки на уме.

У Жени слезы подступили к глазам. Она вспомнила, как они с Ирой одновременно познакомились в Геленджике с Костей и Витей, и все шло у них параллельно, и как они иногда, в шутку, конечно, но говорили о том, что здорово было бы пожениться в один день и устроить свадьбу на четверых. Ей так стало стыдно за свои дурацкие мечты, что она убежала в ванную и прорыдала там до конца вечера, жалея себя.

Глава 3

Бяша

1

Женя опаздывала. Занятия начинались в шесть в большой биологической, а надо было еще сдать шубу в гардеробе и подняться по лестнице на второй этаж. Женя торопилась, потому что ей уже порядком надоело входить в заполненную до отказа аудиторию и подниматься на свое место под взглядами всего курса и лектора, который обязательно отпускал какую-нибудь шуточку в ее адрес. Без году неделя на биофаке, а Женины опоздания уже стали притчей во языцех. На факультете Женя встретила Галку Зервас, свою одноклассницу из школы на Кутузовском. Как и Женя, Зервас отработала год лаборанткой и поступила на вечернее. Галка утверждала, что если бы у Жени грудь была поменьше и она не надевала бы подчеркивающие фигуру платья, то на нее не смотрели бы с таким пристальным вниманием. Женя про себя думала, что у Галки грудь тоже не маленькая, но к ней столько взглядов не приклеивается.

За три месяца с начала занятий Женя ни разу не встретилась с Витькой. Занятия на вечернем отделении начинались поздно, в шесть вечера, когда большая часть студентов уже расходилась по домам, может быть, в этом была причина. Однако она регулярно сталкивалась с Игорем и Антоном, а Витька как сквозь землю провалился. Несколько раз Женя специально подходила к стендам, где была вывешена информация дневного факультета, думала, что, может быть, увидит его там или хотя бы прочтет фамилию в одном из объявлений, но тщетно.

Когда ей надоело охотиться за Витькиной тенью, Женя засела за учебники.

Она твердо решила закончить год с круглыми пятерками, чтобы перевестись на дневное отделение.

...Пока она переодевалась, двое старшекурсников, сидевших в кожаных креслах у больших дубовых столов в холле у входа, пожирали ее глазами. Это повторялось уже неделю. Женя опаздывает, торопится, а парочка сидит и рассматривает ее, как в театре. Один из них менялся, но вот второй зритель был постоянным. Женя уже знала, что это Бяша. Еще в самом начале Маша Шахова провела ее по факультету, показала, где буфет и курилка, и привела к себе на кафедру генетики. В рекреации рядом с кафедрой стояли большие круглые деревянные столы, но стульев не было. На стенах висели две огромные картины. Три коровы и теленок, и напротив – одинокая задумчивая корова. На одном из столов лежал парень, закинув руки за голову.

– Привет. А ты что здесь? – спросила его Маша.

Парень оперся на локоть и осмотрел Женю с головы до ног. Потом перевел взгляд на Машу.

– Ты задумывалась когда-нибудь, почему коровы? Кто придумал, что на кафедре генетики должны висеть коровы, и почему они такие огромные?

И он опять улегся на стол.

– Кто это? – спросила Женя, когда они отошли.

– Бяша.

– Это Бяша? – Женя удивилась. Немодные очки в тонкой золотой оправе никак не вязались с обликом бретера, который она себе составила по Витькиным рассказам.

– Да, а что? Ты-то откуда о нем знаешь? – спросила Маша.

– Витька рассказывал. Ты заметила, что у него носки какого-то немыслимого салатного цвета? Где он такие взял?

– На носки я как-то не смотрела, – развела руками Маша, – не могу сказать, что эта часть мужского туалета меня особенно интересует.

– Не скажи, – не согласилась Женя, – носки – это очень важно, по ним многое можно сказать о мужчине.

– Я слышала про руки, уши и даже носы, по которым можно сказать что-то о человеке. Но носки? Интересно, и что же ты можешь сказать по его носкам?

– Что мужчина, который надевает носки такого кричащего цвета, много о себе думает. С другой стороны, то, что у него брюки слишком короткие, говорит, что он хочет казаться тем, кем не является на самом деле.

Маша остановилась.

– Мать, это глубоко. Может, тебе на психфак перейти?

– Отстань, – отмахнулась Женя.

И вот теперь этот Бяша уже неделю встречает ее в холле и провожает взглядами. Когда она прошла мимо него к лестнице, Бяша закинул ногу на ногу и изобразил, что погружен в оживленную беседу. Носки были красного цвета.

Женя поднялась на один пролет, поняла, что забыла взять номерок в гардеробе, и повернула назад. Бяша в это время успел пойти за ней и стоял в начале лестницы. Делать нечего, он поднялся выше и остановился на площадке. Женя, взяв номерок, стала подниматься ему навстречу, Бяша смотрел на нее, но так ничего и не сказал. Она прошла мимо и поднялась на следующий пролет. «Ну надо же, робкий какой», – подумала Женя. На стене висел стенд с факультетской газетой и объявлениями, и Женя специально остановилась рядом с ним, чтобы дать Бяше возможность подойти. Он сделал шаг на одну ступеньку и остановился, не решаясь двинуться дальше.

Поднявшись еще на пролет и выйдя на балюстраду, Женя оглянулась вниз.

– Молодой человек, я же вижу, что вы хотите со мной познакомиться. Так подходите, что вы боитесь?

Бяша замер на месте, Женя повернулась и побежала к себе в аудиторию. Под взглядами всех присутствующих, в полной тишине, она пробралась на свое место рядом с Зервас, пока лектор профессор Гапочка демонстративно молчал и дожидался, когда она усядется.

Через несколько минут дверь в аудиторию открылась, и Бяша просунул голову внутрь. Он оглядел аудиторию, не заметил Женю – и исчез.

В перерыве, выйдя в коридор, Женя увидела его. Бяша шел к ней.

– Могу ли я узнать, как вас зовут? – церемонно спросил он.

– Виолетта. – Почему Виолетта, Женя сама не знала, это был первый раз в жизни, когда она вместо своего имени назвала имя оперной героини.

– Очень приятно, в таком случае, Альфред. – Жене сразу понравилось, что он так быстро нашелся. – Куда ты исчезла так внезапно? Я обошел все аудитории. Все до одной аудитории вечернего факультета.

– Я видела, как ты заглядывал, но меня не заметил, – призналась Женя.

– Я хотел тебя пригласить в «Сайгон». Мои друзья уже там, занимают места. Так что выходить надо срочно.

Про «Сайгон» – огромный пивной бар в районе Киевского вокзала – Женя, конечно, слышала, но ни разу там не была.

– У меня занятия до десяти. Гапочка меня уже видел, если я вот так исчезну, могут быть проблемы.

– Ерунда, – отмахнулся Бяша, – он и внимания не обратит. Главное, он отметил, что ты пришла. Пойдем, будет весело.

У входа в двухэтажное здание, несмотря на мороз, толпилась очередь. Двое вышибал со сломанными носами осаживали особо нетерпеливых. «У нас занят стол!» – прокричал Бяша, и они протиснулись сквозь обшитую чугунной решеткой дверь с мутным пластиком вместо стекла.

– Видела их уши? – спросил Бяша, пока они с Женей раздевались в гардеробе. – Сломанные ушные раковины, из-за этого у них уши похожи на пельмени. Носы тоже. Они здесь все бывшие боксеры.

В зале было не протолкаться. Женя обратила внимание, что почти все столы завалены ошметками от креветок.

Со второго этажа Игорь уже махал им рукой. Кроме него и Антона с ними был Марат, который встал и поцеловал Жену руку. Мужчины спорили, где пиво лучше, в «Пльзене» в Парке культуры или здесь, в «Сайгоне». Женя сразу опьянела от нескольких глотков неразбавленного чешского пива и налегала на закуску: сыр гермелин, очень похожий на камамбер, и кнедлики. Она поймала Бяшин взгляд.

– Очень симпатичный костюмчик, тебе идет, – не отводя глаз, проговорил Бяша.

– Спасибо, – улыбнулась Женя. – У нас родственники во Франции, они привозят иногда одежду.

– Я обратил внимание, ты всегда потрясающе одета. Ты не похожа на советскую девушку.

Женя немного смутилась и перевела разговор:

– Почему тебя все называют Бяша?

– Так еще со школы повелось. Фамилия Бялый. Бяша поэтому... А зовут меня на самом деле Савелий.

– Какое редкое имя. И длинное. Что, тебя мама зовет каждый раз: «Савелий!» – когда обед готов?

– Нет, для семьи я – Севка. Отец, когда вернулся с фронта, начал называть меня «сявка», так у них в полку называли молодняк, новобранцев. А мама обиделась, говорит: «Почему сявка, это очень грубо. Пусть будет Севка», – и прижилось.

2

31 декабря Женя в полном одиночестве наряжала елку. Вся семья уже уехала к бабушке. Она не могла решить, с кем идти встречать Новый, 1966 год, с Бяшей или с Арсеном, математиком. Они оба по очереди звонили ей и настойчиво требовали ответа. Она сомневалась. Арсен пригласил ее на новогоднюю вечеринку в Главное здание, где он жил в общежитии. Об университетских отмечаниях Нового года по Москве ходили легенды, и многие готовы были буквально на все, чтобы туда попасть. Жене тоже было любопытно, тем более что она помнила Витькины рассказы об этих «вечерухах». «Может быть, и он там будет?» – подумала она и вдруг обратила внимание, что обычного замирания сердца, как всегда бывало, когда она вспоминала Витьку, на этот раз не произошло. Сценарий, который она бесконечно проигрывала у себя в голове: она будет с кем-то невероятно красивым и талантливым, в ослепительном платье, Витька побледнеет и остановится, не зная, что сказать, потом пошутит, отводя глаза, а она ему скажет нечто такое проникновенно-мудрое, что он сразу осознает всю необратимость своей ошибки, – перестал ей быть интересен. А ведь во многом ради такой встречи Женя и поступала на биофак...

Раздался очередной звонок. Это был Бяша. Женя услышала в трубке писклявый голос его матери: «Что же это такое, уже девять часов, а ты до сих пор не можешь уговорить эту

принцессу встретить с тобой Новый год». Смешно, но Женя вдруг сразу решила, что пойдет с Бяшей.

– Все, осталось только последнее, – бодро сообщила она. – Я уже притащила лестницу, сейчас надену верхушку и выхожу.

– Не понял, какую верхушку, что наденешь? – Бяша казался озадаченным, что было даже приятно, обычно все ему было нипочем.

– Не важно. Так, где это будет?

– Увидишь. Бери такси и останавливайся у «Армении». Я там тебя буду ждать.

Подъезжая, из окошка такси Женя еще издали заметила его высокую фигуру. Савелий расхаживал по улице, немного покачиваясь на длинных ногах.

«Смешной, как будто всю жизнь провел на корабле. Тоже мне, пират», – подумала Женя.

Бяша забрался в такси и повез ее в высотку на Баррикадной, к своему однокласснику Владику Воробьеву. Народу было немного, человек десять. Женя любила танцевать, но Савелий не танцевал, да и никто не танцевал. В основном сидели за столом, ели и пили коктейли, которыми мальчики очень гордились. Отец Владика, известный академик, из недавней поездки за границу привез разные интересные напитки и настоящий шейкер. Жене все время подливали, она быстро опьянела, и все происходящее немного вышло из фокуса. У одной из приглашенных девушек пропало кольцо, его долго искали, и, кажется, так и не нашли. Глаза у Жени слипались, она хотела домой, хотела спать, но о такси в такое время и мечтать не стоило. Гости начали укладываться на ночевку.

– Вы здесь, – сказал Вадик, кивнув в сторону родительской спальни, и убежал устраивать остальных.

Женя присела на краешек кровати, больше в комнате сесть было не на что. Бяша снял пиджак, расслабил узел галстука.

От выпитых коктейлей голова у Жени кружилась, к горлу подступала тошнота. Усилением воли Жене удалось подавить приступ.

– Что это ты делаешь? – спросила она.

– Но ведь мы спать собираемся? – с недоумением посмотрел на нее Бяша. – Я раздеваюсь.

– Я раздеваться не собираюсь в чужой квартире. Да и спать, собственно, тоже не намерена.

– Как скажешь. Но прилечь мы можем?

Женя кивнула.

Она сидела, прислонясь к стене, а Савелий лежал, опершись на локоть, и расстояние, разделявшее их, ощущалось, как барьер на дуэли. Шаги посчитаны и отдана команда: «Сходитесь!» Женя замерла на воображаемой линии, успокаивая пульс, чтобы ненароком не сдвинуться ни на миллиметр, потому что знала: еще пара шагов – и ее настигнет выстрел, удар шпагой, не важно что, но в самое сердце. Было одновременно страшно и интересно. Она вдруг почувствовала, что у нее пересохло в горле, почему-то вспомнилось, как Пьер Безухов жевал снег перед дуэлью с Долоховым. Женя встала и подошла к окну, раздвинула занавески – на улице рассвело. Она открыла форточку и собрала немного снега с рамы, лизнула пальцы.

Бяша смотрел на нее с кровати, за милым интеллигентным мальчиком в золотых отцовских очках просматривался опытный бретер.

– Утро наступило, нам пора, – сказал он, вставая.

Поехали к ней на Фили на такси. Сева поднялся с Женей наверх, родителей дома не было, они остались ночевать у бабушки. Женя оставила его в комнате и убежала в ванную. Перед зеркалом, привычным движением вынула шпильки из тугого высокого пучка, трях-

нула головой. Робкое январское солнце из маленького окошка под потолком упало на ее распущенные волосы и осветило комнату золотым светом. Она всегда перед сном расчесывалась и заплетала две косы, чтобы волосы утром не стояли дыбом, как пружины. Они ведь, кажется, собираются спать?

Сева уже разделся и ждал ее в постели. Он удивился, увидев Женю с косами и в ночной рубашке.

– Это что за первоклассница с косичками? – засмеялся он.

– Я так привыкла. Я сплю с косами.

– Ну, ты вроде бы сейчас собралась спать со мной, а не с косами.

Все первое января они провели в кровати. Женя и не знала, что такое бывает на свете, что она может испытывать нечто подобное, забывая порой, кто она и где находится. Ее возвращали в реальность звонки родителей, которые хотели, чтобы она приехала к бабушке. Женя собиралась, но каждый раз Сева удерживал ее, и все опять начиналось по новой, и опять звонил папа.

– Где же ты? Уже два часа прошло, а ты еще дома?

– Я верхушку на елку все не могу надеть. Я верхушку надеваю. Сейчас надену и приеду.

– Верхушку надеть – это такой новый эвфемизм? Так теперь это называется? – смеялся Сева и тянул ее к себе.

Наконец они вышли из квартиры, он поехал к себе на Пушкинскую, Женя – к бабушке.

3

Второго января Сева отсыпался, третьего он позвонил Жене.

– Нет, я в универ не пойду сегодня, – сказала она.

Он помолчал, откашлялся.

– У меня вопрос. Ты меня любишь?

– Ого, так сразу? Вроде рановато говорить о любви, ты не думаешь?

– Как?! Ты со мной была и говоришь, что рано говорить о любви?

Договорились встретиться около кинотеатра «Мир» на Цветном бульваре и пойти на «Шербурские зонтики».

Жене фильм понравился до слез: невероятно красивая Катрин Денев, любовь, музыка, а рядом с ней мужчина, в которого она с каждой секундой близости с ним влюблялась все больше и больше.

Сева же смотрел не на экран, а на Женю.

– Как ты похожа на нее. Просто одно лицо, – повторял он все время.

После сеанса Сева предложил зайти на Центральный рынок, он располагался в двух шагах от кинотеатра. Женя в огромном пятиэтажном крытом здании Централки оказывалась нечасто, ей было любопытно. Она вдруг словно попала на юг посреди заснеженной зимней Москвы. Запахи специй и фруктов из Средней Азии и Закавказья перенесли ее в лето. Сева купил немного фруктов, и, устроившись на подоконнике у большого окна, они ели понемногу из всех кулчков.

– Это невероятно, как ты похожа на Катрин Денев. Как будто вы – сестры-близнецы, – повторял Сева.

– У нее глаза, правда, карие, а не голубые, как у меня, зато побольше. У меня маленькие глаза.

– У тебя маленькие глаза? У тебя такие глаза, каких я в жизни не видел. Они так сияют, Женька! Тебе говорили, что у тебя самые сияющие прекрасные глаза в мире? Как будто все, что есть прекрасного и доброго в жизни, отражается в них. Почему ты качаешь головой?

– У меня в ушах все еще звучит музыка Лигри. – И Женя напела мелодию из фильма.

– Я не верю, честное слово, я не могу до сих пор поверить, что это со мной происходит, – воскликнул Сева. – Как такое сокровище, такое чудо, как ты, могла выбрать меня? Почему, чем я заслужил?

Женя не успела ничего ответить, как вдруг он поднялся и исчез из вида. Вернулся минут через десять с несколькими кустиками вербы в руках.

– Других цветов нет, я обошел весь рынок. – Он протянул букетик Жене.

Они вышли на Цветной бульвар.

– Кстати, здесь рядом загс. Пойдем посмотрим? – предложил Сева.

Женя пожала плечами – почему не посмотреть? Загс оказался обыкновенным, серым, ничем не примечательным совучреждением. В будний день, в рабочие часы в коридорах было тихо и пусто.

– Ты в первый раз мне так и не ответила. Ты уже решила, ты меня любишь?

– Я знаю, что вопросом на вопрос не отвечают, мы не в Одессе. Но все же: а ты меня?

– Это даже не надо спрашивать, – ответил Сева. – Это глупый вопрос. Я тебя люблю больше жизни.

Они подали заявление. По закону между подачей заявления и свадьбой должно было пройти не меньше месяца, «чтобы молодые проверили свои чувства», так что их записали на третье февраля.

Потом пошли знакомиться с матерью Севы, к нему домой. Сева по дороге немного отстал от Жени и шел позади. Она оглянулась на него, и он в два шага поравнялся с ней.

– Ты даже не представляешь себе, какая ты красивая. У меня аж дух захватывает. Мы пока шли, я на всех баб смотрел – такой красивой, как ты, нет.

– Я и не знала, что участвую в конкурсе красоты, – Женя засмеялась.

С улицы Горького они свернули в Большой Гнездиковский переулок. Перед входом в подъезд, уже взявшись за ручку массивной дубовой двери, Сева остановился.

– Я тебя только должен предупредить, что мама меня очень любит.

– Нас всех мамы любят, что в этом такого необычного?

– Все любят, но не так. Я знаю, потому что мои друзья обращают на это внимание. И говорят мне. Да я и сам понимаю, ведь я бываю у других дома, вижу, как они общаются с родителями. В общем, ты это учти.

Женя и Сева вышли из лифта и оказались в бесконечно длинном коридоре с дверями квартир по обе стороны. Пройдя по нему несколько метров, они свернули в другой коридор, покороче, с большим окном в торце. Их шаги гулко отдавались в тишине.

Софья Исааковна – Софа, тут же про себя окрестила ее Женя – оказалась высокой женщиной лет пятидесяти пяти, с большими, почти черными глазами, черными волосами, в которых слегка пробивалась седина, и очень бледной матовой кожей. После первых неловких представлений в тесной прихожей, в которой к тому же стояли плита и маленький холодильник, прошли в большую светлую комнату с окном в полстены.

– Мама, тебе нравится эта девушка? – спросил Сева.

– Голубые глаза, блондинка, очень красивая девушка, – ответила Софа и улыбнулась Жене фальшивой улыбкой. Взгляд ее по-прежнему оставался настороженным.

– Я рад, что она тебе нравится, потому что мы женимся, – как в воду с разбега, брякнул Сева.

Софа охнула и села на диван. Сева, чтобы у матери не осталось сомнений, достал из кармана пиджака и дал ей бумажку, которую им выдали в загсе. Женя протянула Софе вербу.

4

Совмещать учебу и работу становилось все тяжелее, но Женя не хотела уходить из Института педиатрии, бросать Антошку и детишек, к которым она так привязалась. Когда же детей отправили назад по своим детским домам, Женя подала заявление об уходе.

Сестра Таня в январе вышла на работу после декретного отпуска, и семья постановила, что Женя будет помогать бабушке сидеть с маленькой племянницей. Выйдя замуж, Таня уехала из Филей жить к бабушке в ее квартиру на Дмитровке. Женя теперь ездила туда как на работу, с девяти утра до пяти, когда ей надо было уходить в университет. Племянница, маленькая Юля, почти никогда не плакала, много спала, хорошо ела и любила смеяться. Смеялась она громким утробным мужским смехом, что удивительно не вязалось с ее очаровательными кудряшками, пухлыми губками бантиком и ямочками на щеках. Женя не могла удержаться и смешила ее до икоты, так что Юля потом долго не могла остановиться. Но как бы Женя ни любила бабушку и Юльку, она скучала, томилась и хотела быть с Севой.

Как-то раз она позвонила ему – он захворал и не пошел на занятия, – и Сева сказал, что Софы нет дома. Недолго думая Женя пулей собралась, взяла коляску и, сказав бабушке, что идет погулять с Юлей, пешком отправилась в Большой Гнезниковский. Сева очень обрадовался ее приходу, полюбовался на Юлю, даже покачал ее на руках, и принялся жарить котлеты, чтобы покормить проголодавшуюся от пробежки Женю. Пока он готовил, она осматривала квартиру. Большая сорокаметровая комната с высоченными потолками, у одной из стен стоит диван, на котором спит Сева, через всю комнату в небольшом алькове – кровать матери, отгороженная ширмой. Книжные шкафы, буфет с посудой, пианино и круглый стол посреди комнаты – вот и вся обстановка.

– Слушай, Сева, я в прошлый раз не обратила внимания – у вас что, телевизора нет?

– А зачем он нужен? Что там смотреть, советские новости? Или «Голубой огонек» с куплетами «как хорошо в стране Советской жить»?

Юля, сморенная прогулкой и новыми впечатлениями, задремала в коляске. Женя и Сева посмотрели на спящую девочку и решили, что бог с ними, с котлетами. Котлеты могут подождать. Вывезли коляску в прихожую, закрыли дверь и занялись любовью.

Юля заболела, и родственники обвинили в этом Женю, которая ушла гулять с ребенком на несколько часов в жуткий мороз. Сестра взяла больничный и временно освободила Женю от обязанностей няньки. На следующий день, когда все домашние ушли на работу, Сева тайком, чтобы не увидела соседка по квартире Ксения Ивановна, пробрался к Жене. Ксения Ивановна, смутно знавшая, что у Жени появился новый ухажер, все же заподозрила неладное. Она немного подежурила у двери, ничего подозрительного не услышала, и уже двинулась было уходить, но тут из Жениной комнаты опять раздались непонятные звуки. Она постучала и вошла в комнату.

– Женечка, ты бидон мой синий, случайно, не видела?

– Нет, не видела. Я вот сижу, готовлюсь к экзаменам. – Женя в халатике сидела за столом над открытой книгой.

Ксения Ивановна пробормотала что-то неразборчиво и вышла. Сева, голый, вылез из шкафа, куда он спрятался, услышав шаркающие шаги соседки.

– Ладно еще прятаться в шкаф от разъяренного мужа – это по-мужски. Но от старушки-соседки?

– Эта старушка самому Зорге фору даст. У нее глаз-алмаз.

– Я все-таки не понимаю, почему мы должны прятаться? Мы разве делаем что-то плохое, противоречащее законам природы и общества?

– Я не хочу, чтобы папа узнал об этом от соседки, – объяснила Женя. – Я должна ему сама рассказать.

– Ну, так вперед. Со мной что-то не так, я чем-то плох? Не подхожу ему в качестве зятя? Я вроде не кривой, не кривой, а наоборот, хорош собой, молод, учусь в университете. Почему меня надо скрывать?

– Пожалуйста, не дави на меня, – взмолилась Женя. – Я знаю, как это надо сделать, и просто жду правильного момента.

– Да почему нужен какой-то особый момент для этого? «Вот это Сева Бялый, я его люблю, он любит меня, и мы хотим пожениться». Ура, все счастливы. И вообще, твои родители должны быть рады, что ты нашла себе еврейского юношу из хорошей семьи.

– Да, но, по-моему, твое еврейство – как раз одна из причин того, что они не очень рады.

– Почему это?

Сева, по-прежнему голый, расхаживал по комнате и курил.

– Не знаю. Папа ненавидит все, что связано с местечковостью. Он считает, что евреи должны ассимилироваться среди других народов, а не стараться сбиться в кучку и держаться за свои предрассудки, искусственно созданные годами гонений. Он поэтому и Израиль не любит. Говорит, Израиль – это просто большое местечко.

– А что такого плохого в местечке? – удивился Сева. – И вообще, ты знаешь, что в местечках была поголовная стопроцентная грамотность? В отличие, скажем, от русской деревни, где кроме старосты никто читать не умел. Еврейские мальчики и девочки обязательно учились читать и писать, ходили в хедер. Антисемиты сделали из штетла синоним всего отсталого и косного. Так, значит, твой отец относится к тем евреям, которые ненавидят самих себя? Не ожидал.

– Во-первых, не говори о моем отце в подобном тоне. Папа ни к кому не относится. Он родился в местечке и знает о нем не понаслышке. А во-вторых, если бы ты надел штаны, мне бы легче было воспринимать лекции о еврейском прошлом.

– А что, разве я не красив? Я, между прочим, сложен как греческий бог. Посмотри на торс, на прямую мышцу живота. А яйца? Такие яйца надо после смерти отделить от тела и сохранить для человечества. Вот только не знаю, в чем хранить, в формалине или в стопроцентном спирте? Жень, ты как считаешь, формалин или спирт?

5

В назначенный день они не поженились. Мама, которая одна только знала, что они подавали заявление в загс, легла в больницу на обследование. Вечером Елизавета Львовна позвонила Жене.

– Вы расписались? Ведь сегодня третье февраля? – спросила она, хотя до этого целый месяц старательно обходила эту тему стороной.

– Ты в больнице, папе ничего не сказали – как здесь жениться?

Отношения у Жени с отцом испортились. Она чувствовала, что он первый раз в жизни недоволен ею. Семен Григорьевич сердился, что она бросила работу, якобы ради учебы, а теперь и не работает, «болтается без дела», как он говорил, и учится тоже не блестяще. Да, пятерками Женя похвастать не могла. Она стала поздно возвращаться домой, от нее пахло сигаретами, она часами говорила по телефону, замолкая каждый раз, когда отец приближался. Но главное, она перестала приходить к нему и делиться своими радостями и проблемами, поверять ему свои секреты, как делала всю жизнь. Он чувствовал, что его Женечка уходит от него. Когда Женя наконец все ему рассказала, Семен Григорьевич вспылil и смахнул пару тарелок со стола.

– Этот человек тебе не подходит. Он ведет себя как вор. Он тебе всю жизнь поломают. Ты разве не видишь, что это волк в овечьей шкуре?

Женя собирала осколки с пола и не отвечала ему. Отец вышел из комнаты, шибанув дверь так, что штукатурка посыпалась.

В середине февраля, оказавшись опять в районе Центрального рынка, Женя с Севой решили зайти в загс, сказать, что они хотели бы перенести свадьбу на другое число. Авоську с мандаринами, купленными на рынке, оставили в предбаннике.

– На какое число вы хотите назначить бракосочетание? – спросила их служащая загса.

– На сегодня, – неожиданно ответил Сева.

Женя с удивлением поглядела на него: ни о чем подобном они не договаривались.

– Как «сегодня»? – удивилась служащая.

– Так, сегодня, – спокойно ответил Сева.

– Нет, так нельзя.

– Почему? Вы даете тридцать дней испытательного срока. А у нас уже прошло больше времени с момента подачи заявления.

– Ну, вы же не пришли вовремя и не предупредили заранее. И потом, мы не можем вот так, с бухты-барахты.

– У нас были уважительные причины. Мама лежала в больнице, – вступила Женя.

Идея расписаться сегодня, вот так, без всякой подготовки, нравилась ей все больше.

– Ладно, подождите здесь. Я схожу, спрошу заведующую, – служащая ушла в другую комнату, откуда вернулась с другой женщиной средних лет.

Выражение лица у той было более приветливое, она доброжелательно осмотрела жениха и невесту.

– Если дети хотят, то почему нет. Но нужны свидетели. У вас есть свидетели? – спросила заведующая.

– Это мы сейчас организуем.

Они опять побежали на Центральный рынок, на последние копейки купили мимозы и начали обзванивать знакомых в поисках свидетелей. Была середина дня посреди рабочей недели, и никого не оказалось дома.

– Давай этого мужика попросим. Он вроде приятный, – предложил Сева.

– Какого мужика?

– У которого мы цветы купили. Что ему стоит, отойдет на десять минут, и всех дел. Он согласится, ты ему понравилась.

– Сева, ты совсем с ума сошел, да? Мало того что я в маминой немыслимой кофте коричневого цвета, так еще и постороннего мужика брать в свидетели? Нет, я сейчас еще раз позвоню. Ирка точно дома, у нее экзамен, она готовится. Она просто к телефону не подходит, чтобы не отвлекали. Если нет, позвоню Зервас, она, наверное, сумеет с работы отпроситься.

Наконец, на двадцатом или тридцатом гудке, Ирка сломалась и ответила.

– Приезжай к Центральному рынку. Срочно собирайся и выезжай, – прокричала Женя в трубку.

В соседней будке Сева вновь обзванивал своих друзей, но по растерянному выражению его лица было понятно, что так никого и не вызвонил.

– Что случилось? – испугалась Ирка.

– В загс идем. Мы женимся.

– Ой! Вы что, серьезно?

– Только не одевайся, потому что мы одеты буднично. Мы не собирались, это спонтанно получилось.

Колец, разумеется, не было, зато были цветы – букетик мимоз, который держала в руках Ирка. Расписались, сидя за столом, в большой книге регистрации браков.

– Мы с тобой прямо как в период военного коммунизма, никаких буржуазных глупостей. Именно что расписались. Теперь понимаю, почему это так называется, – сказала Женя, забирая у Ирки букет.

– Veni vidi vici, – ответил Сева. Он галантно подал Ире пальто, любуясь Женей. – Женька такая красивая, когда она входит в помещение, все замирают.

– Почему? – поинтересовалась Ирка, пытаясь попасть рукой в рукав, так как Сева держал пальто слишком высоко.

– Красавица, видно, что умная интеллигентная женщина, не проститутка и не блядь.

Женя с Иркой, переглянувшись, засмеялись.

Вечером устроили застолье для друзей в ресторане гостиницы «Узбекистан». Пришли Игорь, Марат, Владик Воробьев, Антон и еще пара человек, которых Женя не знала. С ее стороны были Ирка с Костей, Маша Шахова и Галка Зервас. Сидели, трепались, смеялись, пили за молодых, кричали «Горько!» Ребята договорились с оркестром, и те сыграли марш Мендельсона. Весь зал аплодировал молодым. Это было счастье.

В одиннадцать начали расходиться.

– Куда идти нам? Ведь мы никому не сказали. – Проза жизни вывела Женю из состояния невесомости, в котором она пребывала.

– Ребята, вот мы тут собрали вам денег, – сказал Игорь и сунул пачку купюр Севе.

Это было очень кстати, у них не было ни копейки. Оба не работали, и как начинать новую жизнь, было неясно.

Решили идти к Тане на Дмитровку. Бабушка немного удивилась позднему приходу, но пустила их. Женя тихонько рассказала Тане, что они с Севой поженились.

– Вы встречаетесь только месяц. И уже поженились? А папа, мама знают? – спросила сестра. Женя знала, что Таня от Севы не в восторге.

– Нет, мы им не успели сказать. Бабушке я тоже пока ничего не говорила.

– А почему такая секретность?

– Ну, вот так получилось. Что теперь делать?

– Юля спит все равно с нами, так что маленькая комната свободна. Вы можете пойти туда, – сказала Таня просто.

В час ночи бабушка постучала в комнату к Тане.

– Пойду гнать, – сказала она и, опираясь на костыль и палку, медленно двинулась в сторону маленькой комнаты.

Таня ей была нужна в качестве моральной поддержки.

– Ба, оставь их, – попыталась остановить ее Таня, но бабушка уже вошла в комнату, где на кровати рядышком, как нахохленные воробышки на проводе, сидели Женя и Сева.

– Вы знаете, сколько уже времени?

– Да, мы знаем, ба.

– Ну, пора уже прощаться.

– А мы поженились, – Женя привела свой самый сильный аргумент.

– Что?

– Вот, нам выдали свидетельство о заключении брака.

Женя достала из сумки свидетельство и дала его бабушке. Та, грузно опираясь на костыль, взяла бумажку и внимательно изучила. Вернула бумажку, не глядя в Севину сторону, коротко поздравила Женю, кивнула и вышла.

– Ну что, спим сегодня первый раз на законном основании? – радостно спросил Сева.

6

– Мамин отец, мой дед, был купцом первой гильдии, таких евреев на Россию было с гульки хрен. Он жил в Красноярске и владел лесоперерабатывающими заводами по всей Сибири, так что я – прямой наследник всего русского леса. – Сева церемонно поклонился, прижав руку к груди. – Довели большевики до ручки, и мама, игравшая в младенчестве алмазами и янтарем как игрушками, выросла в нищете. Галина, старшая дочь моего деда, в шестнадцать лет порвала со своей средой, послала отца куда подальше и подалась в большевики. Совершала переворот в Петрограде, потом три года хуячила комиссаром на фронтах Гражданской войны, после войны стала партийным функционером, и ей дали эту квартиру.

– Женщина-комиссар? Это как в «Оптимистической трагедии»? – заинтересовалась Женя.

– Да, она даже всю жизнь утверждает, что Вишневский комиссара с нее списал. Как бы то ни было, когда мама и их младшая сестра Фаня приехали в Москву, Галина прописала их здесь, а сама, естественно, получила другую, большую квартиру. Потом мама нашла папу, сбежавшего из Томска, и получился я.

Они стояли на смотровой площадке на крыше его дома и любовались открывавшимся перед ними видом Москвы.

– Наш дом Нирнзее был самым высоким домом в Москве, пока Сталин после войны не построил свои высотки. Его раньше называли Дом правительства.

– Я думала, Дом правительства – это Дом на набережной.

– Дом на набережной был потом. Я имею в виду, сразу после революции и до начала тридцатых годов. Полдома жильцов, если не больше, было арестовано или расстреляно. Здесь сам Вышинский жил, так что ему было удобно – просто греб своих соседей. Он, кстати, на моем этаже жил и построил для себя специальный лифт, который сразу шел к нему на этаж, нигде не останавливаясь. Наверное, для того, чтобы не встречаться лицом к лицу с родственниками арестованных.

Они уже несколько дней жили у Софы. Бабушке Сева не нравился, и она даже не старалась это скрывать. Таня с мужем Юрой тоже, по мнению Севы, радушием не отличались, он обижался, и поэтому Женя с легкостью согласилась на его предложение переехать к его матери, хотя у той была всего одна комната.

В первый раз, когда они остались там ночевать, вернувшись из университета, Сева пошел помыться. Женя сидела в комнате, читала книгу. Софа подошла к закрытой двери в ванную.

– Севка, я там положила новое мыло. Возьми его. Не перепутай с хозяйственным.

– Мама, я не идиот!

– Ты всегда так говоришь, но моешься иногда хозяйственным.

– Никогда в жизни!

– А почему оно тогда всегда мокрое после твоего купания?

– Мама, сделай одолжение, отойди от двери, пожалуйста!

Софа вернулась в комнату и занялась приготовлением ужина.

– Женя! Женя, поди сюда, – позвал Сева из ванной.

– Что? – Чувствуя на себе Софин взгляд, Женя подошла к двери, но входить не стала.

– Спинку помыть.

– Уже спину сегодня мыли, и не один раз. Я в ванную к тебе не пойду, не зови больше, – шепотом ответила Женя и ушла в комнату.

Опять взялась за книгу. Софа у подсобного стола месила тесто под звуки радио и усиленно изображала незаинтересованность в происходящем. Из ванной раздался грохот, звук

падающих тазов, слышались крики и проклятия. Женя встала с кресла, но Софа, опережая ее, бросилась к двери.

– Севка, в чем там дело? – Она подергала за ручку двери, но та была предусмотрительно заперта Севой изнутри. – Севка, открой, дай мне посмотреть, что с тобой.

– Мама, все в порядке. Позови Женю.

– Если ты перевернул таз с бельем, я должна немедленно прибраться, а то протечет к соседям.

– Все в порядке с твоим бельем. Ничего не разлилось.

– Но я слышала, что упал таз.

– Это пустой таз упал.

– Зачем ты брал пустой таз? Он же стоит далеко от ванны? Что ты скрываешь от меня? –

Мать снова подергала ручку запертой двери.

– Мама, уйди! – зарычал в ответ Сева. – Женя!

Софа ретировалась в комнату, поджав губы, а Женя пошла проверять, в чем дело.

– Таз ты, конечно, нарочно перевернул, – сказала она, глядя на ухмыляющегося, довольного собой Севу.

– Спинку потри. – Он протянул ей намыленную мочалку.

– Спину протру, но другие места протирать не буду, – предупредила она, взяв мочалку.

– Подожди, ты что, прямо в этой кофточке будешь мыть? Сними, а то испачкаешь.

После кофты пришлось снять и все остальное, мытье Севиной спины перешло в Женино омовение с попытками заняться любовью.

– Ты с ума сошел? Я же сказала, что на глубинные протирания спины не согласна. Тут твоя мама, ушки на макушке.

После ужина Софа разложила диван, постелила им и ушла к себе в альков, задвинула ширму.

– Чтобы никаких даже поползновений не было с твоей стороны. Я рядом с твоей матерью не хочу, – прошептала Женя Севе в ухо.

– Ну что ты. Я так устал.

Они погасили лампу. Сева только ждал, когда мать заснет.

– Мама? Мама? – позвал он.

Ни звука, вроде бы спит. На всякий случай, подождав пару минут, он позвал еще раз. Молчание. Они немного поспорили шепотом, но молодость и Севин напор взяли свое.

– Бессовестный, Севка! Мало того что целый час в ванной спину терли, потом всю ночь возился! – сказала Софа на следующее утро.

– Мам, ты же спала.

– Я всю ночь не спала. Бесстыдник, маму не стесняешься.

– Ну, мама, молодоженов согласилась принять, а сама всю ночь не спала? Нехорошо, мама.

– Это я теперь виновата? – возмутилась Софа.

– Ты, кстати, ошибаешься. Это совсем не то, что ты подумала. Я возился, да, но совершенно по другой причине, к Жене никакого отношения не имеющей. Даже не знаю, как тебе сказать. – Сева замолчал и подмигнул Жене.

– Да что такое? – с раздражением спросила Софа.

– Меня клопы зажрали!

– Клопы! Севка! У меня дома? Что ты такое говоришь? У меня в жизни клопов не было!

Софа водила Женю по магазинам на улице Горького, в которых она всю жизнь делала покупки. За хлебом они ходили в Филипповскую булочную, где от запаха свежей выпечки у Жени начинало щекотать в носу и всегда поднималось настроение. За маленьким мрамор-

ным столиком в кафетерии они выпивали по чашке кофе, и Софа обязательно заставляла невестку съесть свежайшее, только испеченное пирожное или хотя бы филипповский рогалик с маком.

– Ты такая худая, Женя. Ну что там обнимать моему сыну? – Софа придвигала к невестке тарелку с пирожным.

Потом они шли в Елисеевский. Хотя Женя родилась на Арбате, но выросла она на рабочей окраине Москвы. Для нее было непривычно и поначалу даже немного странно ходить за покупками в Елисеевский, с его расписными потолками, хрустальными люстрами, мраморными колоннами и венецианскими зеркалами в два человеческих роста. Она не призналась Севе, что до встречи с ним бывала в Елисеевском, кажется, всего пару раз. Главной достопримечательностью этого магазина были немыслимые очереди, в которых надо было отстоять часами. Но Софе нравилось делать покупки именно здесь. Она входила в магазин с царственным видом и, отстояв два часа, покупала двести грамм ветчины, немного сыра и пару антрекотов. Антрекоты Сева ел каждый день.

– Сева ест много мяса, – говорила Софа и показывала Жене, как правильно раскалять сковородку и сколько класть масла, чтобы антрекот получился ароматным и сочным, как любил Сева.

Антрекоты каждый день были Жене в новинку, у нее дома так не ели. Мама жарила котлеты, отваривала мясо в бульоне, а потом перекручивала на голубцы, в большом казане готовила жаркое с картошкой на несколько дней вперед, тушила капусту.

Сева учился и нигде не работал, Софа работала бухгалтером и получала гроши по сравнению с папиным окладом главного инженера или даже маминой инженерской зарплатой. Тем не менее в доме не переводились деликатесы: икра, осетрина, балык, ветчина – понемногу, но постоянно.

– Слушай, откуда все это? – как-то раз удивилась Женя. – На какие шиши?

– А это все талоны Галины, – откликнулся с дивана Сева.

Они были дома одни, Софа ушла на работу в свой Музей революции, Жене надо было ехать в университет только вечером, Сева на занятия не пошел, остался с ней.

– Что такое талоны Галины?

Сева встал и достал из ящика письменного стола толстую пачку талонов. Выяснилось, что Галина, старшая сестра Софы, член ВКП(б) с дореволюционным стажем, имела спецпак. Старые большевики каждый день ходили в спецраспределитель и получали там продукты сухим пайком домой. Когда умер отец Севы Матвей Ильич, Галина стала давать им свои талоны, не все, конечно, а на один день раз в неделю, у нее самой была большая семья, и всех надо было кормить.

– В пайке полкило осетрины, полкило белуги, сто грамм красной и сто грамм черной икры, курица, кусок мяса килограмма на полтора. Заметь, это на один день на одного человека. Стоит копейки.

Женя как раз разглядывала содержимое холодильника, когда Сева неслышно подкрался к ней сзади и сжал в объятиях.

– Ладно, потом поедим. Пойдем.

– Это уже который раз, невозможно так, Сева. – Женя попыталась высвободиться.

– А ты что, подсчеты ведешь? Что обозначает это недовольное выражение лица? Ты не рада? Другие на твоем месте были бы счастливы...

Сева осекся, вспомнив, что недавно по тому же самому поводу они поругались в пух и прах. Тогда они лежали рядом на диване и громко отдувались. Закурив и пуская колечки дыма изо рта, Сева мечтательно сказал:

– Представляю себе, как тебе сейчас завидуют твои подруги.

Женю подбросило как на пружинах.

– Мне? Завидуют мне? С чего вдруг? Если кому и завидуют, так это тебе, и не только все твои друзья, но и весь факультет! Что это ты возомнил о себе?

Она вскочила с кровати и принялась лихорадочно одеваться. Сева в состоянии посткоитального полузабытья попробовал было вначале отшутиться, но не тут-то было. Женя, мечта в него молнии негодования, уже натягивала сапоги.

– Ты с ума сошла?! Да что случилось-то? Что я такого сказал? Никуда ты не пойдешь!

Подскочив к Жене, он начал рвать у нее из рук второй, еще не надетый сапог, она не отпускала, но в результате победа осталась за Севой. Выдрав сапог, он покачнулся, потерял равновесие и сел голой задницей на пол. Сева не выдержал и громко рассмеялся, но быстро осекся, потому что Женя бросила в него штанами и пряжка ремня ударила ему по причинному месту.

– Ведьма! – диким голосом заревел Сева.

С сапогом в руке он бросился к окну, распахнул раму и выбросил сапог вниз. Так Женя и ушла в одном сапоге, шарахнув изо всех сил дверью на прощание.

Сейчас Сева испугался своих слов, отступил от Жени на шаг и с виноватым видом посмотрел на нее, ожидая бури. Но она решила на этот раз не раздувать историю и занялась приготовлением завтрака. Вначале надо было сварить кофе, Женя не могла начать день без нескольких чашек. У Софы нашлись джезва и кофемолка. Кофе арабику, свой любимый сорт, Женя покупала сама в чайном магазине на Мясницкой, куда она обычно ходила с папой, страстным кофеманом. Сколько она себя помнила, ее день всегда начинался с запаха свежемолотого кофе. Папа был жаворонком, всегда вставал раньше всех, и к моменту, когда просыпалась мама, кофе уже был прожарен и помолот. Каждое новое утро на Пушкинской, обжаривая кофейные зерна на сковородке, Женя осознавала, что началась ее новая самостоятельная жизнь, и в ней вновь вспыхивали одновременно обида и чувство вины из-за ссоры с отцом.

Поздней весной, вечером Семен Григорьевич пришел на Дмитровку, когда Женя навещала бабушку. Женя, увидев отца, кинулась к нему, он шагнул ей навстречу. Слезы стояли у него в глазах, он оглянулся, сел на диван, посадил Женю на колени, и они, обнявшись, сидели и плакали, Женя плакала, и папа плакал.

– Ты не думай, он хороший. Я его люблю. Ты меня прости, – говорила Женя, не утирая слез, бежавших у нее по лицу.

– Что сделано, то сделано. И ты меня прости, – шептал отец. – Наверное, я не понял.

Они опять обнялись.

– Давай, я его позову, чтобы он сам мог все сказать.

Женя позвонила Севе, и он сразу же приехал. Она не могла присутствовать при их разговоре и ушла, они остались вдвоем. Потом Сева частично ей передал их беседу.

– Ты понимаешь, какое сокровище ты получил? Ты понимаешь, что за создание у тебя в руках? – спросил Семен Григорьевич.

– Конечно, я понимаю. Вы должны мне верить, что я сделаю все, чтобы она была счастлива.

Папа, в свою очередь, ей рассказал, что, когда он предъявил Севе претензии по поводу внезапной и тайной свадьбы, Сева ответил, что это была идея Жени.

– «Это не я, это Женя так решила» – вот его точные слова. Он ответственность за свое гусарское поведение переложил на тебя. Ты это знай.

На семейном совете постановили, что надо сыграть свадьбу, позвать знакомых, всем объявить: родственникам, сослуживцам, друзьям. Познакомиться наконец-то с мамой Севы. В общем, сделать все по-людски.

Глава 4

Дни и труды

1

Севу в школе били. Это началось в пятом классе, когда к ним перевели нового мальчика, Олега Бочкарева. Бочкарев возненавидел Севу с первого взгляда. «Жидовская морда» или «Саррочка», никак иначе он к Севе не обращался. Для класса это было в диковинку. Даже на пике дела врачей, когда Москва была заражена антисемитизмом и евреев на улицах били и таскали за бороду при полном попустительстве милиции, у них в школе было все спокойно. Бочкарев и два его новых друга, Саша Оганезов и Коля Шальных, оба здоровяки, главные спортсмены класса, поначалу довольствовались мелочами – заливали Севе тетради чернилами, крали книги из портфеля, сбрасывали его вещи с парты.

В стране царила шахматная лихорадка. В шахматы играли все, и советские шахматисты – чемпионы мира, считались национальными героями. Кумиром был Тигран Петросян, сын дворника, сам в юности подметавший улицы, – настоящее воплощение советской мечты «Кто был ничем, тот станет всем». На каждой перемене и после уроков в классе устраивались шахматные баталии. Бочкарев и компания играли в шахматы и страстно желали обыграть Севу, лучшего шахматиста класса. Их бесило, что никому и никогда это не удавалось. После очередного поражения они подкарауливали его там, где их не могли увидеть учителя, и били. Сева пытался отбиваться, но их было больше, и каждый из них был сильнее его.

Младший брат Олега Бочкарева, Коля, худенький мальчик с огромными карими глазами, был таким же патологическим антисемитом, как и его старший брат. Завидев Севу, он заходилился от ненависти и начинал юродствовать, за что и бывал нещадно бит Севой. Коля был слабеньким и младше Севы на несколько классов, его Сева мог легко одолеть. А на следующий день Олег с дружками учили его самого коваными сапогами: «Будешь знать, как бить моего брата, жидовская морда». Их было всего трое, его гонителей, для которых охота за Севой являлась главным развлечением школьной программы, остальной класс в этом участия не принимал. Ребята сторонились и не вмешивались, и даже если в душе скорее осуждали Бочкарева, то тщательно это скрывали. С Олегом никто связываться не хотел. Сева чувствовал себя абсолютным изгоем. Так продолжалось три с половиной года.

В восьмом классе, на следующий день после его дня рождения – Севе исполнилось четырнадцать – он вернулся домой со следами побоев, скрыть которые было непросто.

Все эти годы ему удавалось утаивать происходящее от матери, потому что он не мог себе представить, что бы с ней было, если бы она узнала. Когда она замечала синяки на его теле, он врал, что упал с велосипеда, после чего она, разумеется, запрещала ему впредь кататься на велосипеде, или поскользнулся на мокром полу и скатился с лестницы, неудачно прыгнул через козла на уроке физкультуры. Отец же, если и понимал, что творится, ничего не говорил, считал, что Сева должен разобраться со своими делами сам.

Сева сразу же прошел в ванную, чтобы смыть кровь с рубашки. Отец по одному взгляду на сына угадал, в чем дело, прошел к нему и прикрыл за собой дверь. Сева рассказал ему про Бочкарева и его шайку. Отец внимательно его выслушал.

– Что ты столько времени терпишь? – удивился он. – Вымани их во двор, а там возьми кирпич – и в рожу.

Сева так и сделал. Когда они в следующий раз окружили его, он вместо того, чтобы, как обычно, отбиваться, увернулся и побежал к выходу из школы. Они бросились за ним.

Обогнув школьное здание, Сева выхватил булыжник поувесистей из рядка камней, огораживающих клумбу. Первым к нему подбежал Бочкарев. Сева развернулся и огрел его кирпичом по голове.

Олег упал и так и остался лежать на земле, из уха его вытекла струйка крови. Сева стоял над Бочкаревым с камнем в руках и наблюдал, как два амбала подбирают его под руки и уводят. Бочкарев стонал и держался за голову. На Севу они глаз не поднимали.

На следующий день отца вызвали в школу к директору.

– Ваш сын изуродовал своего одноклассника Олега Бочкарева, – строго, но в меру, сказал директор.

Матвей Ильич пришел в школу в своей форме капитана-инженера 1 ранга Военно-морского флота со всеми фронтовыми наградами, а директор фронтовиков уважал, особенно в чине полковника.

– Одного изуродовал, изуродует и остальных. Не надо к Савелию Бялому приставать, – заявил отец. – Тот, кто сильнее духом, всегда из Голиафа сделает котлету. Я поддерживаю своего сына.

Историю замаяли. Больше Севу никто не трогал, его враги предпочитали делать вид, что не замечают его. В конце года объявили, что их школа стала одиннадцатилеткой, и в сентябре Сева перешел в другую школу, десятилетку, чтобы не терять год. За лето он вытянулся, раздался в плечах и решил, что пришло время к силе духа прибавить силу физическую. Вместе со своим новым другом Антоном Красногорским Сева записался в секцию бокса клуба «Крылья Советов». Звездой клуба был двадцатилетний Борис Кулагин, только что выигравший Спартакиаду народов СССР. Тренер Кулагина довольно быстро разглядел в Севе способности и взял его тренироваться к себе. Несколько раз Сева боксировал и с Кулагиным, скорее для повышения мотивации, но в основном они с Антоном с восхищением наблюдали за ним со стороны.

Поступив в университет, Сева стал реже появляться на тренировках, а потом и вовсе забросил бокс. Когда он перешел на третий курс, на биофак неожиданно поступил Кулагин, ставший к тому моменту олимпийским чемпионом. Учеба у Кулагина шла с трудом, и Сева помогал ему сдавать коллоквиумы и готовиться к сессиям. Учитель из Севы был неважный, терпением он не отличался.

– Что ты хочешь, Сева, – спокойно отвечал Кулагин, когда Сева выходил из себя и хватался в отчаянии за голову. – Если бы тебя столько лет регулярно били по голове, ты бы тоже туго соображал.

После учебы Боря вел секцию бокса в «Спартаке», и Сева приезжал к нему для тренировок. Были они одного роста, оба весили семьдесят килограмм, длинноногие и длиннорукие. Кулагин в основном показывал Севе приемы, но иногда отвечал ему по-настоящему.

Женя спортом не интересовалась, и кто такой Кулагин, не знала. Она не разделяла Севиного энтузиазма, когда тот, весь избитый, возвращался домой после тренировок и с гордостью рассказывал, что «на равных» дрался с самим олимпийским чемпионом.

Еще тяжелее ей было привыкнуть к его игре в карты. В любую свободную минуту Сева находил компанию и садился расписать пульку. По этому поводу они с Женей часто ссорились.

– Почему ты один такой, почему Игорь или Антон не играют как сумасшедшие весь день напролет, забыв обо всем?

– Я играю с первого курса. Мои друзья тоже играли, но по чуть-чуть, и потом бросили. Им неинтересно, потому что они не понимают игру. Они не достигли тех высот, которых достиг я. Я же вижу то, что видно только при определенном уровне.

– И что же это?

– Красота игры.

Женя передернула плечами и ушла на кухню. Он пошел за ней.

– Каждая раздача карт, у кого какие карты, как обмануть: сказать одно, показать другое, нестандартный ход сделать, чтобы тебя не просчитали. Это азарт. Уровень, на котором играю в преферанс я, – это уровень необычный. Он на несколько порядков превышает уровень других людей. Это не значит, что я намного умнее этих людей, но вот в плане преферанса мой мозг почему-то создан самым правильным образом. Каждый в чем-то своем находит применение своим способностям. Вот мои способности, так уж вышло, в игре в преферанс.

– Я этого не понимаю. Ладно бы ты еще выигрывал, раз у тебя такой уровень. Но ведь нет.

– Дело не в выигрыше. Хотя выиграть все равно все время хочется. Но главное, ты пойми, такой я человек. Я люблю играть в преферанс. Я играю во все. Я – игрок. Я за игру маму родную готов продать.

2

Сева защитился с блеском. Дипломную работу он готовил в Институте вирусологии, где занимался исследованием комплекса ДНК с металлами с помощью ЭПР – электронного парамагнитного резонанса. Он изучал, каким образом меняется спектр, когда есть голая ДНК и когда туда добавляют металл. Ему удалось доказать, что металлы ингибируют процессы в ДНК.

На защите присутствовала профессор Булатова, ученица Евгения Константиновича Завойского, первооткрывателя электронного парамагнитного резонанса, сама крупнейший специалист по ЭПР в стране. В конце она подошла к Севе и, единственному из всех пожав руку, сказала, что ей очень понравилась его работа. Игорь и Антон, с которыми Сева вместе работал в лаборатории и вместе защищался, чуть не умерли от зависти. Однако выяснилось, что, хотя руководитель лаборатории в Институте вирусологии, где они готовились к диплому, хотел их всех троих взять к себе на работу, мест в институте не было. Надо было начинать крутиться, искать работу в нормальном месте. Игорь и Антон, да и другие его однокурсники всю использовали свои связи и знакомства. У Севы блатов не было, но была голова на плечах. Он верил в свою звезду. Он записался на прием к академику Богрову, директору Института океанологии, и с порога заявил, что хотел бы работать у них в институте стажером-исследователем. Институт занимался изучением Мирового океана, у него даже был свой исследовательский флот, прежде всего легендарный «Витязь» – главное научно-исследовательское судно страны, оснащенное самыми передовыми техническими средствами для научных наблюдений, пара судов поменьше, а также несколько подводных аппаратов для работы на глубинах до шести тысяч метров. Выйти на «Витязе» в открытый океан было бы осуществлением давней мечты. Сева еще мальчишкой зачитывался книгами о великих географических открытиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.